

с е т е в о й н а у ч н ы й ж у р н а л ISSN 2408-932X

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ

R E S E A R C H R E S U L T

Том 4 | № 1
Volume 4 | 2018

СОЦИАЛЬНЫЕ
И ГУМАНИТАРНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

SOCIAL STUDIES
AND HUMANITIES

Сайт журнала:
rrhumanities.ru

сетевой научный рецензируемый журнал
online scholarly peer-reviewed journal

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл. № ФС77-67557 от 31 октября 2016 г.

The journal has been registered at the Federal service for supervision of communications, information, technology and mass media (Roskomnadzor) Mass media registration certificate El. № FS 77-67557 of October 31, 2016

Том 4. № 1. 2018

СЕТЕВОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 2014 г.

ISSN 2408-932X

Volume 4. № 1. 2018

ONLINE SCHOLARLY PEER-REVIEWED JOURNAL

First published online: 2014

ISSN 2408-932X

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор: Ольхов П.А., доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и теологии социально-теологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Заместитель главного редактора – выпускающий редактор: Мотовникова Е.Н., доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и теологии социально-теологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Редактор английских текстов: Ляшенко И.В., кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, Институт межкультурной коммуникации и международных отношений Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Ответственный секретарь: Ряпухина В.Н., кандидат экономических наук, доцент, директор Сербского ресурсного центра, доцент кафедры стратегического управления Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова, доцент кафедры культурологии и политологии социально-теологического факультета НИУ «БелГУ», Россия

Пружинин Б.И., доктор философских наук, профессор, главный редактор журнала «Вопросы философии», Россия – **председатель редакционной коллегии**

Антанасиевич И., доктор филологических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой славистики филологического факультета государственного Белградского университета, Республика Сербия

Аронов А.А., доктор культурологии, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой истории, истории культуры и музееведения Института культурологии и музееведения Московского государственного университета культуры и искусств, Россия

Атлагич С., доктор политических наук, доцент факультета политических наук государственного Белградского университета, Республика Сербия

Болгов Н.Н., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории и зарубежного регионоведения историко-филологического факультета Педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Буксикова О.Б., доктор искусствоведения, профессор, заведующая кафедрой теории и методики хореографического искусства факультета режиссуры, актёрского искусства и хореографии Белгородского государственного института искусств и культуры, Россия

Быкова М.Ф., доктор философских наук, профессор, Университет Северной Каролины, США

Быстрянец С.Б., доктор социологических наук, профессор кафедры истории и политологии Санкт-Петербургского государственного экономического университета, Россия

Вендт С., доктор наук, профессор, заместитель руководителя факультета психологии, социальной работы и социальной политики, старший научный сотрудник Центра гендерных исследований Университета Южной Австралии, Австралийский Союз

Вересов Н.Н., доктор философии, кандидат психологических наук, профессор, университет Монаша, Австралийский Союз

Винцигуэрра Лоренцо, профессор философии и эстетики, Реймский университет, директор Центра искусствознания и эстетики, Франция

Волкова О.А., доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социальной работы социально-теологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Денич (Михаилович) Сунчица М., доктор филологических наук, профессор, декан Педагогического факультета государственного Нишского университета, Республика Сербия

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief: PAVEL A. OLKHOV, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy and Theology, Faculty of Theology and Social Sciences, Belgorod National Research University, Russia

Deputy chief – make-up editor: ELENA N. MOTOVNIKOVA, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy and Theology, Faculty of Theology and Social Sciences, Belgorod National Research University, Russia

English text editor: IGOR V. LYASHENKO, Ph.D. in Philology, Associate Professor, Department of English Philology and Intercultural Communication, Institute of Intercultural Communication and International Relations, Belgorod National Research University, Russia

EXECUTIVE SECRETARY: VICTORIA N. RYAPUKHINA, PhD in Economics, Associate Professor, Director of the Serbian Resource Center, Associate Professor of Strategic Management, Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov, Associate Professor of the Department of Cultural Studies and Political Science, Faculty of Theology and Social Sciences, Belgorod National Research University, Russia

BORIS I. PRUZHININ, Doctor of Philosophy, Professor, Editor-in-chief of "Voprosy Filosofii", Russia – **Chairman**

IRINA ANTANASIEVIĆ, Doctor of Philology, Professor, Faculty of Philology, University of Belgrade, Republic of Serbia

ARKADY A. ARONOV, Doctor of Cultural Studies, Doctor of Education, Head of History, History of Civilization and Museum Management Studies Department, Institute of Cultural Studies and Museum Management Studies of Moscow State University of Arts and Humanities, Russia

SINIŠA ATLAGIĆ, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Sciences, State University of Belgrade, Republic of Serbia

Nikolai N. Bolgov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of World History and Foreign Area Studies, History and Philology of Pedagogical Institute, Belgorod National Research University, Russia

OLGA B. BUKSIKOVA, Doctor of Art Study, Head of the Department of Theory and Methodology of Choreography, Producing, Dramatics and Choreography Faculty of Belgorod State Institute of Arts and Culture, Russia

Marina F. Bykova, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy and Religion North Carolina State University, USA

SERGEY B. BYSTRYANTSEV, Doctor of Sociology, Professor, Department of History and Political Sciences, St. Petersburg State University of Economics, Russia

SARAH WENDT, Doctor of Science, Professor, Deputy Head of the Faculty of Psychology, Social Work and Social Policy, Chief Researcher at the Center for Gender Studies, the University of South Australia

NIKOLAI N. VERESOV, Doctor of Philosophy, Candidate of Psychology, Professor, The Monash University, Australia

LORENZO VINCIGUERRA, Professor of Philosophy and Aesthetics at Reims University, director of the Center for Research in Arts and Aesthetics, France

OLGA A. VOLKOVA, Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Social Work, Faculty of Theology and Social Sciences, Belgorod National Research University, Russia

SUNČICA M. DENIĆ (MIKHAILOVIĆ), Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Education, State University of Nis, Republic of Serbia

MIKHAIL S. ZHIROV, Doctor of Education, Professor of the Department of Social Work, Faculty of Theology and Social Sciences, Belgorod National Research University, Honored Worker of Culture of the Russian Federation, Russia

ILYA F. ISAEV, Doctor of Education, Professor, Emeritus Professor of Belgorod National Research University, Russia

Жиров М.С., доктор педагогических наук, профессор кафедры социальной работы социально-теологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Исаев И.Ф., доктор педагогических наук, профессор, Почетный профессор Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Капицын В.М., доктор политических наук, профессор, профессор кафедры социологии и политологии Института переподготовки и повышения квалификации Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Россия

Кожемякин Е.А., доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой коммуникативистики, рекламы и связей с общественностью факультета журналистики Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Короченский А.П., доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики факультета журналистики Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Лобанов К.Н., доктор политических наук, доцент, профессор кафедры административно-правовых дисциплин Белгородского юридического института МВД России, Россия

Майданский А.Д., доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и теологии социально-теологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Максимович Г., доктор филологических наук, профессор философского факультета государственного Нишского университета, Республика Сербия

Маркович Д., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и литературы философского факультета государственного Нишского университета, Республика Сербия

Микешина Л.А., доктор философских наук, профессор, Почетный профессор Московского педагогического государственного университета, Россия

Ойтinen Веса, доктор философии, профессор-исследователь, Хельсинкский университет – Александровский институт, Финляндская Республика

Окладникова Е.А., доктор исторических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Россия

Пенской В.В., доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Порус В.Н., доктор философских наук, профессор, руководитель Школы философии, ведущий научный сотрудник Лаборатории исследования философии Центра фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Россия

Романова А.П., доктор философских наук, профессор, директор Гуманитарного института Астраханского государственного университета, Россия

Талига Х., кандидат философских наук, директор Taliga Consulting (Таллинн), эксперт Международной организации труда, Эстония

Фёдорова М.М., доктор политических наук, главный научный сотрудник, руководитель сектора истории политической философии Института философии Российской академии наук, Россия

Хамидов А.А., доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан

Харченко В.К., доктор филологических наук, профессор кафедры филологии историко-филологического факультета Педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Чжу Цзяньган, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой филологического факультета Университета Сучжоу (провинция Цзянсу), Китайская Народная республика

Шувакович У., доктор политических наук, профессор кафедры социологии философского факультета государственного Приштинского университета с временным местонахождением в Косовска-Митровице, Республика Сербия

Щедрина Т.Г., доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии Московского педагогического государственного университета, Россия

Юбара Анет, доктор философии, доцент Майнцского университета Иоганна Гутенберга (земля Рейнланд-Пфальц), Федеративная Республика Германия

VLADIMIR M. KAPITSYN, Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Sociology and Political Sciences, Institute for Professional Development, Lomonosov Moscow State University, Russia

EUGENE A. KOZHEMYAKIN, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Communication, Advertising and Public Relations, Faculty of Journalism, Belgorod National Research University, Russia

ALEXANDER P. KOROCHEVSKY, Doctor of Philology, Professor, Faculty of Journalism, Belgorod National Research University, Russia

VASILY V. LIPICH, Doctor of Philology, Professor of the Department of Philology, History and Philology of Pedagogical Institute, Belgorod National Research University, Russia

TAMARA I. LIPICH, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy and Theology, Faculty of Theology and Social Sciences, Belgorod National Research University, Russia

KONSTANTIN N. LOBANOV, Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Administrative Law, Belgorod Law Institute of the Russian Interior Ministry, Russia

ANDREY D. MAIDANSKY, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy and Theology, Faculty of Theology and Social Sciences, Belgorod National Research University, Russia

GORAN MAKSIMOVIĆ, Doctor of Philology, Professor of the Faculty of Philosophy, State University of Nis, Republic of Serbia

DEJAN MARKOVIĆ, Ph.D., Professor, Head of the Department of Russian Language and Literature, Faculty of Philosophy, State University of Nis, Republic of Serbia

LYUDMILA A. MIKESHINA, Doctor of Philosophy, Professor, Emeritus Professor of Moscow State Pedagogical University, Russia

VESA OITTINEN, Doctor of philosophy, Professor, University of Helsinki (Aleksanteri Institute), Finland

ELENA A. OKLADNIKOVA, Doctor of Historical Sciences, Professor, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia

VITALY V. PENSKOY, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Law Institute, Belgorod National Research University, Russia

VLADIMIR N. PORUS, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the School of Philosophy, a Leading Researcher of the Laboratory of Research of Philosophy, Center for Basic Research of the National Research University "Higher School of Economics", Russia

ANNA P. ROMANOVA, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Humanities Institute, Astrakhan State University, Russia

HARRI TALIGA, PhD in Philosophy, Director of Taliga Consulting (Tallinn), International Labour Management Expert, Estonia

Maria M. Fedorova, Doctor of Political Sciences, Head of the Department of History of Political Philosophy, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Russia

ALEXANDER A. KHAMIDOV, Doctor of Philosophy, Professor, Senior Researcher, Institute of Philosophy, Political Science and Religious Science, Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan

VERA K. KHARCHENKO, Doctor of Philology, Professor of the Department of Philology, History and Philology of Pedagogical Institute, Belgorod National Research University, Russia

ZHU TSZYANGAN, Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Philology at the University of Suzhou, Jiangsu Province, People's Republic of China

Uros Suvakovic, Doctor of Political Sciences, Professor, Department of Sociology Faculty of Philosophy of State University of Pristina with temporary located in Kosovska Mitrovica, Republic of Serbia

TATIANA G. SHCHEDRINA, Doctor of Philosophy, Professor of Moscow State Pedagogical University, Russia

ANNETT JUBARA, Doctor of Philosophy, Docent, The Johannes Gutenberg University of Mainz, Germany

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Белгородский государственный национальный исследовательский университет»

Издатель: НИУ «БелГУ». Адрес издателя: 308015 г. Белгород, ул. Победы, 85.

Журнал выходит 4 раза в год

Founder: Federal state autonomous educational establishment of higher education «Belgorod National Research University»

Publisher: Belgorod National Research University

Address of publisher: 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia

Publication frequency: 4 /year

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ИССЛЕДОВАНИЯ	RESEARCHES
Спасич Н. А. К вопросу о достоинстве диалектов 4	Spasić N. A. Is dialectal speech less worthy? 4
Черкасов В. А., Петрова С. В. «Честный характер и чистый поэтический дар»: творчество А. К. Толстого в освещении Ф. Е. Пактовского 20	Cherkasov V. A., Petrova S. V. «Honest character and pure poetic gift»: creativity of A. K. Tolstoy in F. E. Paktovsky's works 20
АРХИВ	ARCHIVE
Московкин В. М. Три документа из семейного архива Алексея Николаевича Деревицкого (1859-1943), свидетельствующие о его близости к российскому императору 26	Moskovkin V. M. Three documents from the family archive of Alexei Nikolaevich Derevitsky (1859-1943), indicating his closeness to the Russian emperor 26
MISCELLANEOUS: СООБЩЕНИЯ, ДИСКУССИИ, РЕЦЕНЗИИ	MISCELLANEOUS: MESSAGES, DISCUSSIONS, REVIEWS
Пенской В. В. Община: теория и реальность. Размышления над книгой Л.Б. Алаева «Сельская община. "Роман, вставленный в историю" ...» (М., 2016) и дискуссией вокруг нее на страницах журнала «Средние века» 35	Penskoy V. V. Community: theory and reality. Reflections on the book by L.B. Alaev «Rural community. "A novel inserted in history." ...» and on the discussion around it on the pages of "The Middle Ages" journal 35
Бейлин М. В. Техноинтеллект как фактор формирования культуры будущего 47	Beilin M. V. Technological intelligence as a factor for future culture development 47
Мандич Б. Л. Международная научная конференция факультета филологии и искусств Крагуевацкого университета «Сербский язык, литература и искусство» (обзор конференции) 52	Mandic B. L. International scientific conference of the Faculty of Philology and Arts of the University of Kragujevac "The Serbian Language, Literature and Art" (conference review) 52

ИССЛЕДОВАНИЯ
RESEARCHES

DOI: 10.18413/2408-932X-2018-4-1-4-19

N. A. Spasić | IS DIALECTAL SPEECH LESS WORTHY?

University of Kragujevac, Jovana Cvijica bb, Kragujevac, 34000, Serbia; *natally.spasic@gmail.com*

Abstract. This study covers the topic of relationship between standard and dialect languages. The goal of this study is to express opinions of linguists and normativists regarding ideas closely tied with other language planning processes. What they all have in common is, the desire to get rid of the discriminatory approach to social power, social status and dialectal language discrimination based on incorrect ideological beliefs and stereotypes. Common suggestions regarding neutralization of this problem focus on limiting the principle of linguistic territoriality, that is lowering the importance of linguistic individuality, thus improving the perception of dialects and their respective speakers.

Keywords: standard language; dialect; inequality; differences; discrimination; poll; speaker statements.

Спасич Н. А. | К ВОПРОСУ О ДОСТОИНСТВЕ ДИАЛЕКТОВ

Университет в Крагуеваце, ул. Йована Цвийича, бб, г. Крагуевац, 34000, Сербия;
natally.spasic@gmail.com

Аннотация. Темой данной работы является языковой конфликт, который возникает в области отношений языковой нормы и диалекта. В работе представлены точки зрения лингвистов и специалистов в области языковой нормы по вопросам, связанным с языковой политикой. Анализ различных точек зрения позволяет прийти к выводу о наличии общего стремления устранить неравный подход к общественному статусу языков, избавить диалекты от дискриминации, основанной на негативных идеологических подходах и стереотипах. Среди общих рекомендаций по нейтрализации языковых конфликтов подчеркнута важность ограничения принципа языковой территориальности, что уменьшало бы значение лингвистической индивидуальности в целях улучшения восприятия и оценки диалекта и статуса его носителей.

Ключевые слова: стандартный язык; диалект; равенство; различия; дискриминация; анкета; выступления.

1. Introduction

The limits of my language mean the limits of my world.

Ludwig Wittgenstein

„And the Lord said, ‘Behold, they are one people, and they have all one language, and this is only the beginning of what they will do. And nothing that they propose to do will now be impossible for them. We shall confound their language’...“ (Old Testament). It is with no doubt that there was a lot for humans to build on their way to the throne of God’s when the Lord decided to step on Earth and divide people by bewildering their language.

In the Tower of Babel we see the roots of division among people. This biblical story explains the diversity of languages and races. Multilingualism, so as any other form of diversity, implies conflict. There is no linguistic contact without linguistic conflict – „First Neldeov law“ [Salverda, p. 130] due to linguistic competence and a different social, political and economical mindset. The most common conflicts arise when criteria of national identity and mutual understanding fail to succeed. <...>, and there are a lot of cases where political, ethnic, religious or some other form of identity forcibly creates division where a linguistic and language division don’t exist. [8, p. 284].

With that being said, we start our talk about the division among nations, languages and lastly dialects, as the root of the problem which create disagreements and intolerance to anything that stands out as different. The nature of the language conflict is necessarily sociolinguistic and most research based on conflict situations reveal a series of sociolinguistic discriminations closely tied to political ideas.

“One of the most representative aspect of cultures is the human language. The languages are something that’s the most humane in

humans. What do we preserve, by defending them? – Our kind, the way it was brought by the language <...> Defending our language and it’s diversity, especially preserving it from domination of certain language, is more than the preservation of our culture. That is the preservation of our life” [3]. There is no official compliance on how many languages, dialects and speakers are on earth. D. Crystal claims there are over 20 000 dialects in the Voegelin's Classification and index of the world’s language (1977), and they are contained in approx. 4500 languages [8, p. 285]. According to some forecasts, it is expected that the number of languages will halve in the next fifty years¹ and about three hundred languages will survive. The growing trend of accelerated death among smaller languages gives foundation to a pessimistic vision of the linguistic world.

1.1. The object, goals, hypothesis

Language possesses performative power.

John Austin

„It is usually said that humans are defined by language. We express our feelings and thoughts through it, it has granted us the knowledge and accomplishments of our ancestors, and our descendants will succeed us through it. The language is the most valuable asset of humanity, however as the humanity is a mosaic of nations with personal histories and cultures, so is the human language a mosaic of national languages. That is why language is sacred to every nation. Native language is also sacred to an individual, it serves as an umbilical cord between an individual and his nation. It can be said that the native language serves as a home to the human spirit, no matter where it lives, at home or in the unknown”².

By taking sociolinguistic properties in mind, researching the conflict becomes doable through language: the state of minority

¹ With the alarming trend of language extinction, UNESCO signed the Convention for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage – ICH in 2003.

² Deset teza o hrvatskom jeziku Dalibora Brozovića [Online], URL: <http://www.sspakrac.hr/index.php/odabrano-mainmenu-32/tekst/393-deset-teza-o-hrvatskom-jeziku-dalibora-brozovia> (accessed: 26.09.2017)

languages compared to the standard or to the dialects, the state of dialects compared to the majority speaking language, the state of languages and dialects among the diaspora, the state of the regional language (as a result of the migrant crisis of recent years), the differences among urban and rural settlements, the state of languages formed as a result of “newly” formed countries etc. Stating that the Serbian language is dialectic, prof. Bogdanović reminds that the standard form of speech is just one of the chosen dialects that corresponds to certain linguistic rules³. With that in mind, we have included respondents from all dialectic areas on the territory of the Republic of Serbia. This research is focused on the relationship between standard and dialectic speeches, while giving more significance to the dialects of the southern and southeastern Serbia due to their specific location and the attitude towards them. We will examine is there any discrimination, in which areas, how it’s manifested and what are the statements and experiences of their speakers. The topic is approached from an ideological standpoint, while the attention is given to the stereotypes and “power” relations. South/southern dialects (and their speakers) are singled out and special in the classification system, which is a clear case of an ideologically based classification, instead of linguistic (taking dialect into account) and geographical (southern part) criteria, considered by Petrović [14]. Stereotypes rely on several simple, lively, easy-to-remember characteristics of a person. These stereotypes judge the person based on these characteristics. They are emphasized, simplified and focused, defining the person permanently [4, p. 258]. Once they are determined, stereotypes are difficult to change, they divide social groups into those who are “normal” and into those who are different, and therefore unaccepted and singled out... Stereotypes occur when there is a lack of “power-strength” equality, with the power usually being aimed against the singled

out group [4, p. 258]. Social reality is conditioned by power relations. Power is scattered throughout the entire body of society and all subjects that enter into interrelationships, enter into the power relations as well (Foucault). Power relations are not constant and are subject to change.

Even though the topic of the relationship between standard and dialectic languages dates back to ancient times, it has become especially topical in linguistic circles of the 21st century. It doesn’t only intrigue professional and teaching staff, the topic includes “ordinary” people who have been the victims of their “odd” speech. Are they, in fact, marked by their place of birth, origin, and the affiliation of a dialectical area that was not taken as the basis of the Serbian language? On the basis of personal experience, we assume that most of the speakers, originally from such a dialectic area, were at least once in a lifetime exposed to ridicule, teasing and, we will be inclined to say, discrimination based on language, i.e. speech.

2. Standard - dialect

*Control your tongue, keep to your house and weep
over your sin.*
Mohammed

Many societies speak more languages or use multiple language varieties. Such multilingual societies must choose a language policy, that is, they must make a number of decisions favoring or at the expense of the use of certain languages.

The standard language is the language of a particular state and serves to communicate among people on a wider scale. It is a polyvalent, multifunctional, supraregional language used by all layers of society. Its rules are prescribed by the normative manuals: grammar, spelling and vocabulary. The creation of a standard language largely depends on the social and political conditions

³ Jezik se često menja, ali dijalekti ostaju, *Večernje novosti* [Online], 20.09.2008, URL: <http://www.novosti.rs/vesti/naslovna/drustvo/aktuelno.290.html:223219-Jezik-se-cesto-menja-ali-dijalekti-ostaju> (accessed: 06.11.2017)

that were responsible for the characteristics of the Serbian language during its development. Serbian is a standardized language, and the process of standardization has been ongoing from the first Serbian written monuments to date. To understand the standard Serbian language, we need to know the development of the Serbian language, on the one hand, and the existence and distribution of Serbian folk speeches on the other.

We will not focus on the development timeline of the Serbian language, nor the details of the dialects. We will only emphasize that, originally, the dialect indicates a language that is realized as a transpersonal act in the dialogue. It is the language in which an individual reveals his sociolectic, regiolectic or idiolectic character in contrast to the neutral, non-personal, transregional standard language.

We live in a time of ever-growing strength of local speech. This is a process that began along with the democratic changes in our country at the end of the 20th century, when national self-esteem and awareness of the importance of maintaining dialects began to intensify. In the beginning, this was a kind of response to a political attitude that, more or less openly, degraded linguistic compositions that were not Neo-Shtokavian, condemning them with each new generation to an ever-decreasing number of speakers. Serbian scientific and artistic circles showed efforts to preserve the dialectic heritage, but these efforts always remained on the margins of those standard languages. In addition to dialectological discussions that, in addition to dialectologists, few read, the activities were reduced to dialectical dictionaries that were still interesting to a large number of people, and to the writing of dialectical literary works, mostly poetry, rarely prose or drama. If we exclude respectable writers who wrote on the

dialect (Stevan Sremac, Borisav Stankovic, Dragoslav Mihailovic)⁴, the dialectical word was largely reduced to folk art, mostly of entertaining character. In the last few decades, we have witnessed the birth of TV series containing the Kosovo-Resavian dialect ("Selo gori, a baba se češlja" – director Radoš Bajić) and the Torlakian dialect ("Bela lađa" – Mihailo Vukobratović, according to Siniša Pavić's script). We must note that the series "Bela lađa" is an indirect sequel to the film series "Tesna koža", despite the realistic representation of a society, with a great deal of irony and mockery, as the actors are often portrayed as uneducated and simple-minded. The situation is similar with some individual actors of the "Porodično blago" series (Directors: Aleksandar Djordjević, Mihailo Vukobratović, scenario: Sinisa Pavić and Ljiljana Pavić), in which Tika and Đoša left an indelible mark. A fortification of that statement is also made by jokes at the expense of people from this region, with phrases like "što južnije – to tužnije" (the southerner – the sadder). However, these people are often characterized as insightful and resourceful.

We will see how this problem is presented in literature and media in the following part.

2.1. Longing for the South!

*Once you forget about your homeland, you don't
know who you are!*
Aboriginal saying – Australia

If you were to ask someone in Niš which language they speak in, the answer would without doubt be "Serbian", and the Serbian language would imply all the linguistic forms that the Serbian people use. However, if you were asked someone from Belgrade for instance, what language is spoken in the south of Serbia,

⁴ „It is well known that Stevan Sremac depicts southern mentality, spirit and temperament, and the attitude towards love, as well as a very successful revival of archaic Niš speech and customs. He also thinks that the success of the novel *Zona Zamfirova* originates from the humorous nuisance of the writer, as well as from the lively speech, from the way in which his characters think and communicate their thoughts.” – Stari Niš u romanu *Zona Zamfirova*, *Artnit.net* [Online], 14.07.2013, URL: <http://www.artnit.net/pero/item/729-stari-nis-u-romanu-zona-zamfirova.html> (accessed: 05.11. 2017).

you would undoubtedly get a multidimensional answer, probably with some form of mockery⁵. Vuk Karadžić haven't taken the southern and eastern part of Serbia into account while doing his work on the classification of Serbian dialects. It is up to linguists and especially dialectologists to correct this mistake⁶.

As the written and electronic media were the most accessible to us at the given moment, we checked how do they shed light upon this issue. We emphasize that the linguist, as one who is most competent to speak about language, is interested in linguistic reality and all possible variants of speech and expression of thought, while the standard language is the domain of language politics and planning and is in conjunction with the linguistic ideology (and the linguistic ideology is simply defined as "the ideas people have about language – about what it should be"). In the linguistic ideology of the Serbian language speakers, grammatical cases and accents, according to Tanja Petrović, are lingual categories which play an important role in creating a perception

and hierarchy of dialects and their speakers. With that being said, speakers who use different dialects are perceived as "less worthy", "broken" or "incorrect".

In the book "Srbija i njen jug" (2015), Tanja Petrović tried to shed some light on the ideological and cultural circumstances which lead to a coexistence of distinctively positive and negative evaluations of "southern dialects" and their speakers, and to answer the question as to how the territorially determined linguistic varieties (southern Serbian) were associated with categories of low cultural taste and a series of negative phenomena in Serbian society, while literary texts written on them, such as work of Stanković and Sremac, are regarded as top-notch art? "Southern dialects" are, according to her, types of speech characteristic to the regions of southern and southeastern Serbia. Although they are quite different, due to geographical, historical and cultural circumstances, speakers of language idioms with a higher social status classify them as "southern" and label them through some characteristics. A partial explanation is found in

⁵ T.Petrović confirms this as there were situations escalating even at Universities between professors and students. [14, p. 15-16], as well as numerous discussions regarding lingual questions on forums (with some dialect arguments listed below):

- Well, i think most southerners are indeed simple and primitive (given the economic-cultural-social state of their territories). Because there is no exact measure that would apply to an entire area - if we consider "southerners" to be "lagging behind", we can't place them in the outermost domain of backwardness. Given the simplified picture that exists about the south, many would probably be surprised by the inner life of people in these environments. Secondly, obviously less important as there are individuals who rise themselves above the mass".

- What I underlined is precisely the example created by the society of imposed stereotypes, not the real state of affairs. Southerners are in no way less spiritually and culturally rich, they are just different. South is only economically more underdeveloped, certainly not culturally, socially or linguistically.

- "All dialects work perfectly as means of communication in the areas where they are spoken. Therefore, they are worth the same and they are natural, representative mother languages people living there learn. We all start from a dialect speech. The literary language is the construct, the product of a norm and agreement. By itself, it does not exist and is taught by every individual".

- "Our dialectic treasure fascinates me. It saddens me when my friends are not always ready to talk the way the talk in their native surroundings. I like to think about the little things which have influenced the progression of our language, to explore the logic behind some deviations, to listen to different melodies. It happened to me to hear conversations in public transport in dialects i am not familiar with, to which i would pull out a paper and write down what i heard. It saddens me that i have not travelled more across Serbia and learned about dialects to a degree where i could identify where i am just by listening to people talk".

⁶ Jezik se često menja, ali dijalekti ostaju, *Večernje novosti* [Online], 20.09.2008, URL: <http://www.novosti.rs/vesti/naslovna/drustvo/aktuelno.290.html:223219-Jezik-se-cesto-menja-ali-dijalekti-ostaju> (accessed: 06.11.2017)

the disproportion in power relations between the center and the periphery. "The "Inland", "province", "southern line" are most often the names for the southeastern part of Serbia, for which the concepts of rurality, economic and cultural backwardness are linked to". [14, p. 11]. However, as Tanja says, southeastern Serbia shares the same fate as many other regions of Europe where language is "weirdly spoken" while this is more noticeable here due to the disproportion of economic and cultural power found in the capital city, which some critics call the "Belgradisation of Serbia" or "Beonarcizam" (Petrović according to D. Gruhonjić (2011) and I. Pavlović (2013) [13]).

Marjana Stevanovic, the author of the excellent article "Beonarcizam", first answers the question whether there is similar a discriminatory view towards dialectal speech which differs enough from the Standard language, as in Serbia. Based on the experiences of linguists who have spent some time in Germany, Slovenia, Italy – countries with many dialects, the standard language of these countries is, of course, obligatory in institutions, education and television, but the areas with different lingual characteristics are treated with far more respect and tolerance. There are, however, different views to this question as well. Statements from some European sociolinguists regarding dialects is particularly interesting [18]. The paper opposes homogenization and dialects, it critically refers to the way English is taught in English schools. There is a claim that the language is not respected, more precisely, its varieties except the standard written language, and the claim is more present among those who are the least expected to do so: the intelligent, writers, journalists and politicians. For them, minority languages and non-standard languages do not have value. This results in the decay of many languages across Europe at an alarming speed. Sociolinguists help vulnerable communities in passing on their language to

the next generation. One way to succeed in this is to form a positive attitude of the speaker towards his own languages and dialects. "The rapid disappearance of language is part of a wider phenomenon - linguistic homogenization; This includes the death of a dialect, which is a cultural tragedy. Dialects are also intimately connected with culture as well as languages" [18, p. 45]. Apart from symbolizing local cultures, there are other benefits of dialects. They contribute to the communication among communities in neighboring countries that are endangered by standard languages, because they interrupt the dialectic continuum. The disappearance of dialects, in addition to the perception of their social inferiority, is also supported by the claim that dialects are linguistically inferior, that they do not possess all linguistic potentials as a language, so people, even against their deeper feelings, move on to the standard language. The fight against dialectal discrimination is possible and most notable in developed countries such as Switzerland, Luxembourg and Norway, where dialects endure full use and cultivation. As said by Branimir Stanković, Norway has been successfully lecturing classes in local dialects in elementary and high schools, ever since 1878⁷.

A lot more attention is given to dialectal speech in Croatia too, as witnessable in books [i.e. 19] and various publications [16].

We are also witness to the lack of discrimination among some other non southern dialects in Serbia, Herzegovina and Montenegro. In fact, we find the Herzegovian and Montenegrin dialects "entertaining" and "quirky" which raises the question as to why do we lack consideration for our southern accents as well. Is it the case of having a kinder view to something "foreign" or is it something else? "The problem lies in the fact that many serbian linguists having a derogatory view towards southern speech. For such reasons,

⁷ "Nestandardni" dijalekti i jezička diskriminacija by Branimir Stankovic, *Danas* [Online], 05.05.2016, URL: http://www.danas.rs/danasrs/dijalog/quotnestandardniquot_dijalekti_i_jezicka_diskriminacija_46.html?news_id=319988 (accessed: 06.11.2016)

younger generations ‘forget’ their Leskovački dialect when they go up north because they are ashamed. That is how Mihajlo Šćepanović depicts the preservation or the abandoning of a dialect. For a person, speech is not only the means of communication, it is also a part of their personality, just like behavior or folk clothing. Language is a question of identity, he says. That is why the Bosnians or Montenegrins, even in Terazije, after half a century in Belgrade, continue to speak as if they came from their homeland yesterday⁸.

There is no basis for the belief that Belgrade's speech is in accordance with the norm. Such state is attributed to it, most likely because of cultural prestige and higher standards. The Belgrade Variety does not have all four accents (properly realized), nor post-accent lengths where it is described that they exist in the standard language. In practice, in fact, we have a split between the standards described by Vuk, followed by M. Stevanović in his *Contemporary Serbo-Croatian language* and many recent normativists and real situations in speech. Formally, the most correct speech is in Western Serbia because of the connection with the reform of Vuk, not the favored, Belgrade's speech. In “Politika”, we could have read that Rada Stijović, a linguist who is dealing with the norm, said that “the literary language is closest to the inhabitants of Valjevo, Čačak, Užice, and in other similarly talking areas, but it is important to emphasize that no dialect is in itself irregular. All are correct”⁹.

2.2. Nourishing the serbian language

*Speech is a human use of language.
So human that we always see human in
speech.*

In the speech! Not in the language!
De Saussure

The perception of the dialect, as a less important communication medium, has contributed to implicit belief, which led to explicit claims that the spread of literacy in the literary language and the influence of schools, churches and the media would eventually lead to an end of dialect speech and that the literary language would prevail. In the Serbian literature, this was suggested by P. Ivić [6, p. 175], and in Croatia, D. Brozović [1, p. 7] who uses the metaphor of the dialect as a parasite in the literary language (and humans seek to get rid of parasites). This metaphor could be inverted, but we would not dare to write it.

In spite of this, professor of dialectology at the Faculty of Philology in Belgrade M. Šćepanović thinks that the dialects will undoubtedly survive and with a very picturesque metaphor explains that “the cities are getting “thicker”, the villages are becoming “thinner”, so the language changes, but it is tough so we should not worry about its survival, “and that” the language is like a house, which can lose its facade, but still remain strong due to its structural integrity”¹⁰. Agreeing with this statement is prof. N. Bogdanović as he claims that despite the great influence of the media and the standard language, the dialect remains firmly in their position and will not be subject to change for a long time.

On the other hand, Niš faculty of Philosophy professor B. Arsenijević’s statement in the paper *Danas* regarding the

⁸ Jezik se često menja, ali dijalekti ostaju, *Večernje novosti* [Online], 20.09.2008, URL: <http://www.novosti.rs/vesti/naslovna/drustvo/aktuelno.290.html:223219-Jezik-se-cesto-menja-ali-dijalekti-ostaju> (accessed: 06.11.2017)

⁹ A be, prase slonče, *Politika* [Online], 20.02.2011, URL: <http://www.politika.rs/sr/clanak/167963/A-be-prase-slonce> (accessed: 06.11.2017)

¹⁰ Jezik se često menja, ali dijalekti ostaju, *Večernje novosti* [Online], 20.09.2008, URL: <http://www.novosti.rs/vesti/naslovna/drustvo/aktuelno.290.html:223219-Jezik-se-cesto-menja-ali-dijalekti-ostaju> (accessed: 06.11.2017)

„Nourish the serbian language“ campaign has received lots of attention and comments in media. He described this campaign as a “visually boring”, racist and manipulative action for which, as well as for the overall activity of a larger part of 'Serbian' linguists, it is difficult to determine to what extent is the expression of scientific backwardness and ignorance, ideological deprivation, and to what extent in terms of a conceived strategy of conquering and sustaining power¹¹. He believes the campaign has wrong beliefs and narrow interests at its core. In the interview for *Južne vesti*, he went into details to explain his statements and epithety with which he described the campaign and expressed his desire for the involvement of all people who care about the language so they can express their opinions on the standardization of the language¹². Professor B. Stanković also agreed with these statements, who says that neither language nor his study should be mixed with politics, nor economics, and this is something that happens through the various campaigns that “defend” the language. B. Stanković emphasizes that those who “struggle” to preserve the language do not understand that the speakers of the dialect have the advantage “because we understand and use both our dialect and yours”¹³. The biggest problem of this campaign is that it does not take into account the social reality – that is the Serbian language that is nourished is not only the standard language, and that serious social and political repercussions that are the result of standardisation should be taken into consideration¹⁴.

Perhaps are these conclusions too exclusive, but we must agree with the view that

the language existed even before the norm in the form, in which Vuk described and introduced it into several registers and that the language follows its independent dynamics and adapts to the specificities of its bearers: culture, society and the individual. Professor Arsenijević adds that the newspaper should not be fought because it is pointless, resulting changes will only sustain if they are useful. Arsenijević thinks that one should not blindly keep up with the grammar, vocabulary or spelling, but rather try to change the normativistic path and authoritarian spirit.

It is worth mentioning Violeta Jović, who is not a linguist, and writing is not her primary interest, however, she caught our attention because of the great number of works written in the Svrljig dialect, a type of Torlakian dialect. She says that as a child, she went with her relatives to other villages and concluded that all people talk in the same way, understand and communicate even clearer, with much words than when speaking in standard language. She thinks that her mother tongue is a part of herself, her being, and if she gave up on it, if she gave up her origins and everything it is to her, she would not be herself anymore. Although she grew up in the countryside, she never had a complex of lower value, however, she says that she encountered many other people's “city” complex without apparent basis in many situations. She wrote about this in the novel “Druga”, but she said that she never accepted the fact that she was a lower class, that she should have minor rights and that she

¹¹ Malogradanska normativnost našeg mentaliteta, *Danas* [Online], 13.04.2015, URL: http://www.danas.rs/danasrs/kultura/malogradjanska_normativnost_naseg_mentaliteta.11.html?news_id=300264#sthash.cGrYxDJX.dpuf (accessed: 04.05.2016)

¹² 15 minuta, *Južne vesti* [Online], 20 .04.2015, URL: <http://www.juznevesti.com/15-minuta/Boban-Arsenijevic.sr.html> (accessed: 04.05.2016)

¹³ Novac i politika nasilno menjaju srpski jezik, *Južne vesti* [Online], 04.06.2015, URL: <http://www.juznevesti.com/Drushtvo/Novac-i-politika-nasilno-menjaju-srpski-jezik.sr.html> (accessed: 06.11.2017)

¹⁴ Južnjački dijalekti se ne doživljavaju kao kulturna vrednost, *Danas* [Online], 26.04.2016, URL: http://www.danas.rs/danasrs/drustvo/juznjacki_dijalekti_se_ne_doživljavaju_kao_kulturna_vrednost.55.html?news_id=319593 (accessed: 10.05.2017).

should bow down to someone just because they were born in the city¹⁵.

3. Serbian dialectal speaker's thoughts

*The people are known by their language, like
birds are by their voice.*
Stjepan Radić

We have seen many times that speakers of any language do not always speak in standard language, but often use dialects, i.e. regional or class language varieties with different vocabularies, pronunciations or grammar, depending on the situation and according to the social position of the speaker. Differences can also be made between young people and the elderly, male and female speakers or among other social groups. The methods used to investigate language conflicts are heterogeneous and, most often, due to the empirical nature of the problems taken from psycholinguistics, sociology or sociolinguistics (like Lambert's *matched guise* method or semantic differentials) [12; 9, p. 44–51]. For the purposes of this research, a simpler form questionnaire was used.

3.1. Methodology and the procedure

*You will get to know a person better by his
pronunciations, than by his speeches.*
Peter Tille

For the reasons given, we included people of different sexes, ages, and levels of education in our survey (not focusing on people who deal with linguistics in any form). The survey was anonymous and in addition to several general questions about gender and age, it contained a dozen short questions in which a linear scale should have been answered depending on the extent to which the respondent agreed with the

claim. The scale ranged from 1 to 5, where 1 signified no, I never feel like that, or I have never been in such a situation, 2 – no, 3 – sometimes, 4 – yes and 5 – yes, often (always). Some questions were of similar meanings, but the degree of the given feeling was different (pride or shame). Feelings ranged from "I am proud to have different speech" > "All dialects are equally worthy" > "I find it funny when I hear someone talk differently" > "I change my speech when I find myself in an unknown society" > "The fact that I was born in the Staroštokavski region is considered to be my biggest shortcoming" and even that my own origin is a reason for shame. In the end, there were two situations that were frequent and represent an insert from everyday life. Respondents were given the opportunity to provide suggestions at the end of the survey, as well as to describe a specific situation or to share their experience with the topic.

Since the periphery of other dialects (for example, those in the north or west of Serbia) does not have the same ideological consequences about their perception, we compared how those who originate from Staroštokavski region look at dialects, and those who have been born in the Novoštokavski region.

Also, as a rule, the hegemonic relationship between the periphery and the capital in the case of southeastern Serbia implies and demands a language assimilation: when someone from Vranje, Jagodina, Leskovac or Pirot comes to Belgrade, after a short time, they will adapt to the new linguistic environment (especially if its musical – M. Canić¹⁶), or otherwise they risk being labeled and ridiculed. We have been checking whether it's true.

¹⁵ Violeta Jović – čuvar blaga srpskog juga kroz lepu narodnu reč, *NEGOSLAVA'S blog* [Online], URL: <http://negoslava.blogspot.rs/2013/12/violeta-jovic-cuvar-blaga-srpskog-juga.html> (accessed: 27.04.2017)

¹⁶ A be, prase slonče, *Politika* [Online], 20.02.2011, URL: <http://www.politika.rs/sr/clanak/167963/A-be-prase-slonce> (accessed: 06.11.2017)

3.2. Research results

*Incurable wounds are those inflicted by tongue
and eye, by mockery and disdain.*
Honoré de Balzac

For the purpose of this research, we made a short questionnaire (Annex 1) according to

described criteria. The research has been conducted in May of 2016. Out of 190 respondents there were quite more females than males (76,2 % : 23,8 %) as shown on the upcoming graph (fig. 1).

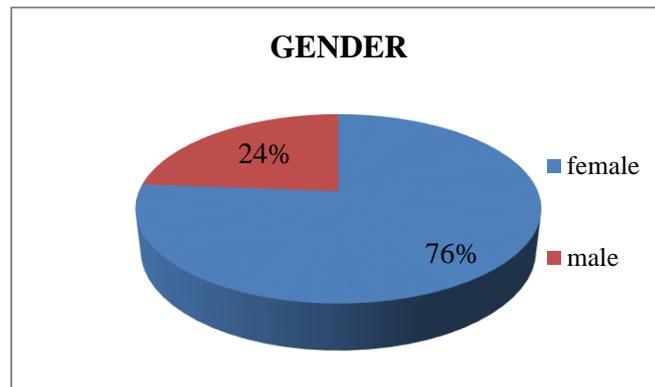

Fig. 1. Distribution of respondents by gender

Рис. 1. Распределение респондентов в соответствии с полом

The average age is 32.41 years while the oldest respondent had the age of 70 and the youngest 11. We did not differentiate those who are students of philology or linguists by profession and those who are not because we wanted to test the linguistic sense and tolerance of all who are native speakers of the Serbian language. Among the respondents

there were mostly those who came from the Šumadija-Vojvodina dialectic region (56.97 %), followed by Prizren-Timok (28.48 %) and Kosovo-Resavian (8.48 %). There were also some respondents who speak eastern-Herzegovian and Zetian-South Sandžak dialects (a total of 6.06 %).

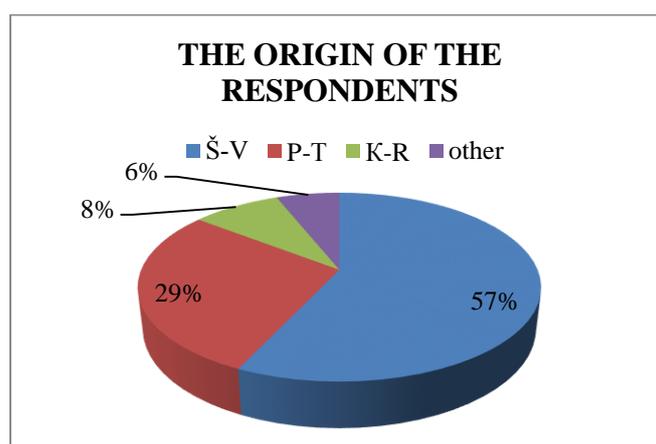

Fig. 2. Distribution of respondents by region of origin

Рис. 2. Распределение респондентов по регионам происхождения

Among the respondents there were mostly those who indicated that their permanent

residence was Belgrade, and then Niš, Novi Sad, Kragujevac etc. To one general question,

whether their speech belongs to the dialectic in the country from which they originate more than 60 % answered affirmatively (precisely 60.3 %), 28.5 % answered with no, and 11.2 % was not sure. The question was at first glance ambiguous, but we were interested in whether the respondents would have awareness that they are actually dialectically speaking or whether those who are from Neo-Shtokavian regions say their speech doesn't belong to a dialect, which was the case with most speakers. A large number (66.1 %) said that they are able to recognize when someone speaks in a dialect, and more than half of the respondents think that all dialects are equally worthy (5¹⁷ – 56.6 %; 4 – 21.2 %). 21.9 % of respondents answered yes, and "often / always" 7% to whether they experienced mockery because of their dialect. 16.6 % of the speakers found themselves in this situation from time to time (so a total of 45.5 % of the respondents were at one time in such a situation), and only 9% answered that they

found it funny when they hear someone speaking to them with a different dialect. Obviously, we pay more attention to our feelings, because we better remember when we were those who are ridiculed. It is also possible that we are aware that this behavior is immoral and will show more tolerance in our answers, even if its an anonymous survey. The majority (78.4 % (1); 14.6 % (2)) does not consider the fact they speak in dialect as their biggest drawback, (46.2 % (1); 15,9 % (2)) would prefer to have been born in an area where a dialect has become standard language, (81.7 % (1); 9.1 % (2)) does not think they are less worthy because of their dialect and (94.1 %) never felt shame because of their origin¹⁸. However, a big number of respondents (38.5 % (3-5)) change their pronunciation when talking with someone who's not speaking in the same dialect. Why though? Especially as these respondents have said they are proud they speak differently (70.2 % (3-5)).

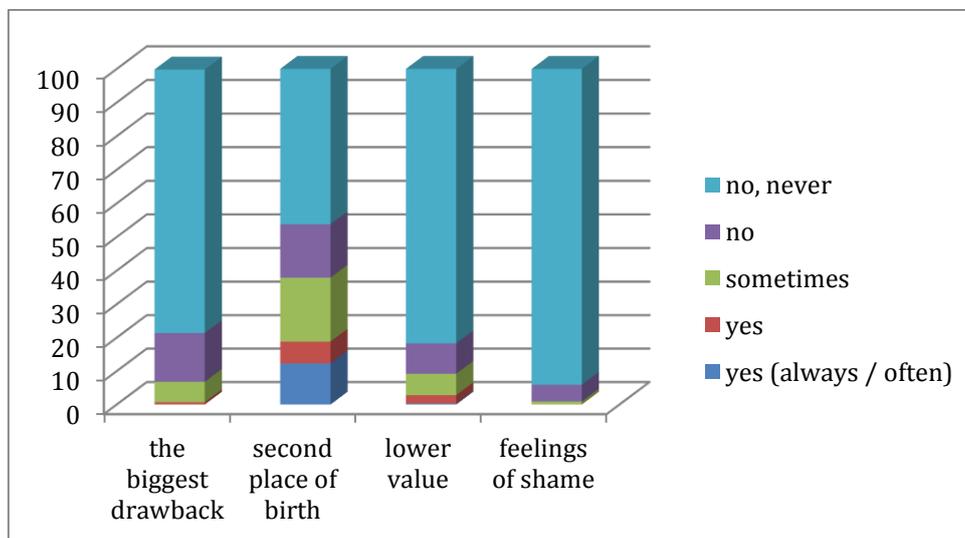

Fig. 3. Distribution of answers to questions
Рис. 3. Распределение ответов на вопросы

¹⁷ Numbers (1-5) are the labels for the linear chart.

¹⁸ There questions look identical on first look but they carry an important difference in meaning. Therefore, we have shown the results, compared and presented in one graph (fig. 3).

We also see that 86.1 % (67 % never) did not have problems in school or at work because of their speech and that 88.3 % do not feel discriminated based on their dialect.

Regarding the situation question, almost all respondents (in fact 97.9 %), replied that they would not hide their origin when asked where they were from. If they say where they are, they risk experiencing the same situation as Peter from the survey, as 58.3 % of the respondents were in the situation of being mocked. It's up to you to decide.

The survey provided an opportunity for respondents to make suggestions and to indicate the situation in which they directly or indirectly participated. Since there were many useful and interesting answers, a large number of them are mentioned at the end of the paper (Annex 2).

4. Conclusion

Respect if you want to be respected.
Folk proverb

If we, as humans, continued to use one, universal language, we definitely would have avoided all misunderstandings and problems speakers of different languages and dialects experience, wouldn't simply exist. However, as such an utopian idea is not possible, all we can do is accept the reality and the fact that we can't have symmetrical multilingualism [10, p. 294], but, every dialect is equally important because without any of them, we would be deprived of great wealth because "not only ancient tribal connections, but also a long life within the boundaries of a political entity, leave inevitable traces of speech. Dialects provide innumerable data and amounts of previously unknown, sometimes unexamined truths" [7]. How is it that territorially determined linguistic varieties were associated with categories of low cultural taste and a series of negative phenomena in Serbian society? When it comes to the dialects of the

south and the southeast Serbia, in addition to the mentioned conditions of the ideological, geographical and political division of the state territory, the fact that the literary language was created on the basis of distant dialects was of particular importance, so that the convergence or merging of these two variants is difficult, perhaps impossible. Despite that, qualifications such as 'proper' or 'incorrect' in linguistics are not desirable. Such terms can only be found in normative grammar. A breakup in the society due to linguistic or other barriers leads to the deviation of that society.

The relation to dialects, their (concealed) prestige or the lack of prestige in certain situations, the dialect interface and the literary language, the question of the dialect and the identity of the speakers – all are extremely interesting sociolinguistic topics – were treated superficially and generally as issues of minor importance. Leading philologists did not give up the dialect, but its description succumbed to traditional dialectology, which sought for "pure" dialects, and stopped on the description and historical interpretation of them with legitimate methods, but in this work, little attention was paid to their synchronous communication role in speaking communities.

This is confirmed by the answers of our respondents. Although most claim that they are not discriminated against, a large number of them have been subject to mockery, almost half would want to be born in an area whose dialect was taken as the basis of the Serbian language and easily give up their dialectal speech. We can look at this as a desire to achieve greater results with less effort (i.e. to master the standard language more easily), and it seems that nobody have said that their language is important, legitimate, functional, rich and interesting.

Linguistics is not and can never be geography! We can't stress this enough. In order for the language to develop freely and change, it is necessary that those who deal with it, concludes prof. Stanković, and we agree

with that, understand that linguistics do not prescribe, but describes the language¹⁹.

It will be difficult and painful until this topic is imposed on our authoritarian population, but we consider it positive that after so much time a topic about what the language is actually is about, and what consequences the value definition of speech and dialect has for their bearers. Do not think that we are against the standard language, it must absolutely exist as a variation in every modern society. However, it must also be flexible and democratic. Especially when it comes to orthoepic norms. Normally, liberal standardization should be the starting point, and the next step would be to educate the population²⁰, and the next step, all people who work with language. Unfortunately, the biggest consequence is discrimination and violation of one form of human rights.

It is true that language is a tool of communication, a means by which people understand each other. It is not all about understanding each other, people need to also have some understanding for one another. The truth (i.e. science) is not on the side of any of the opposed sides that strive to simplify, unilaterally and biasedly remove all of the issues that we have discussed here.

Conflict of Interests: author has no conflict of interests to declare.

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для декларации.

References

1. Brozović, D. (1966), "O razgovornom jeziku u Dalmaciji" [On the colloquial language

in Dalmatia], *Slobodna Dalmacija*, 6767, 7. (in Croatian)

2. Bugarski, R. (1990), "The social basis of language conflict and language attitudes", in P. H. Nelde (ed.), *Plurilingua: Language attitudes and language conflict*, Brussels Research Centre on Multilingualism, Dümmler–Bonn, 41–47.

3. Hagège, C. (1992), *Le Souffle de la langue: voies et destins des parlars d'Europe* [Breath of the tongue: ways and fates of the European languages]. Odile Jacob, Paris. (in French)

4. Hall, S. (ed.) (1997), *Representation: Cultural Representations and Signifying Practices*, Sage Publications & Open University, London.

5. Haugen, E. (1966), "Dialect, language, nation", in Pride, J. and Holmes, J. (eds.), *Sociolinguistics*, Penguin, 97–111.

6. Ivić, P. (1962), "Dijalektologija, jedan naš kulturni problem" [Dialectology, one of our cultural problems] (in Serbian), *Letopis Matice srpske*, Novi Sad, 389, (3), 175–180.

7. Ivić, P. (1971), *Srpski narod i njegov jezik* [Serbian people and their language], Srpska književna zadruga, Beograd. (in Serbian)

8. Kristal, D. (D. Cristal) (1987), *Kembrička enciklopedija jezika* [The Cambridge Encyclopedia of the Language], Nolit, Beograd, Serbia (in Serbian).

9. Lambert, W. E., Hodgson, R. C., Gardner, R. C. and Fillenbaum, S. (1960), "Evaluational reactions to spoken language", *Journal of Abnormal and Social Psychology*, 60 (1), 44–51.

10. Nelde, P. H. (1997), "Language conflict", in Coulmas, F. (ed.). *The Handbook of sociolinguistics*, Blackwell, Oxford, 285–300.

11. Okuka, M. (2008), *Srpski dijalekti* [Serbian dialects], Prosvjeta, Zagreb. (in Serbian)

¹⁹ Novac i politika nasilno menjaju srpski jezik, *Južne vesti* [Online], 04.06.2015, URL: <http://www.juzne-vesti.com/Drushtvo/Novac-i-politika-nasilno-menjaju-srpski-jezik.sr.html> (accessed: 06.11.2017)

²⁰ Perhaps the ideas of prof. Stanković can be an incentive: "To start the education of Leskovac youth" (and all other people from the dialectal area) "in their mother tongue on the local dialect, and by the end of elementary education, students make a transition to the standard variant, but in a way so that transition avoids unwanted transposition of the form of power" (Novac i politika nasilno menjaju srpski jezik, *Južne vesti* [Online], 04.06.2015, URL: <http://www.juznevesti.com/Drushtvo/Novac-i-politika-nasilno-menjaju-srpski-jezik.sr.html>). The possible solution might also be the teaching of dialects from the early stages of education, especially in Neo-Shtokavian regions.

12. Osgood, C. E., Suci, G. J., and Tannenbaum, P. H. (1957), *The measurement of meaning*, University of Illinois Press, Urbana–Chicago–London.

13. Pavlović, I. (2013), Beonarcizam, *Politika* [Online], 08.11.2013, available at: <http://www.politika.rs/scc/clanak/275212/Beonarcizam> (accessed: 06.11.2017)

14. Petrović, T. (2015), *Srbija i njen jug* [Serbia and its south], Fabrika knjiga, Beograd. (in Serbian)

15. Salverda, R. (2003), “Conflict linguistics and the case of multilingualism in London”, in Bochmann, K., Nelde, P. H., & Wölck, W. (ed.), *Plurilingua: Methodology of conflict linguistics*, Asgard, St. Augustin, 129–143.

16. Suvala, A. and Pandžić, Ja. (ed.) (2015), *Nestandardni hrvatski jezik prema standardnom hrvatskom jeziku* [Non-native Croatian language according to the standard Croatian language], Agencija za odgoj i obrazovanje; Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, Zagreb. (in Croatian)

17. *Sveto pismo – prevod Starog zaveta Đura Daničić* [Holy Scripture – translation of the Old Testament by Đura Daničić] (1997), Biblijsko društvo, Beograd. (in Serbian)

18. Trudgill, P. (1995), “Dialect and Dialects in the New Europe”, *The European English Messenger*, IV/1, 44–46.

19. Zečević, V. (2000), *Hrvatski dijalekti u kontaktu* [Croatian dialects in contact], Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, Zagreb.

Annexes

Annex 1

The following survey is anonymous. Its results will be exclusively used in research purposes. Please be completely honest with your answers and fill out the questions.

Choose one number from 1 to 5, depending on how much you agree with the statement/question.

1 – no, never; 2 – no; 3 – sometimes; 4 – yes; 5 – yes, often (always)

Gender: M / F

Age: _____

Place of residence: _____

1. Does your speech, in the country you originate from, belong to a dialect?:

YES / NO / DON'T KNOW

2. I can identify someones dialect by hearing their talk.

3. I think all dialects are equally worth.

4. Have you ever been a victim of mockery and ridicule because of your dialectal speech?

5. Speaking in dialectal is my biggest drawback.

6. I try to change my speech when I find myself in a group of people who speak differently.

7. I am proud to have different speech compared to others.

8. I think i'm less worthy because i speaking in dialectal language.

9. I would love to have been born in an area where dialectal speech has become the basis of standard language.

10. I find it funny when i hear someone talk with a dialect.

11. Have you ever experienced a problem caused by your speech in school, at work, etc?

12. I feel discriminated based on my speech.

13. I am ashamed of my origin.

14. Read the following situation: Miloš moved to Belgrade to continue his studies. He wants to assimilate into the culture as quickly as possible, so he won't tell anyone that he is from south/eastern/western Serbia. Would you do the same thing?

15. Two men are talking at a bus station:

(1) Hi, i'm Sima, and i'm from Novi Sad. What about you?

(2) I am Petar from Niš (Ja sam Petar iz Niša) (Pirota, Vranja).

(1) You mean “from Niš” (Misliš iz Niš - dialectal) (Pirota, Vranje), hahahaha 😊

Have you ever encountered anything similar to this?

Note (if you want to write down something else regarding this topic or to describe a particular situation you've found yourself in) /

Suggestions & Constructive criticism

Thank you for your attention! 😊

Annex 2

Note (if you want to write down something else regarding this topic or to describe a particular situation you've found yourself in):

- I've been born in the south of Serbia where we speak through a dialect. Through my education and studies i've corrected my speech and i think it's advisable to know proper expression and all 7 grammatical cases, however, i've never thrown away my dialect and i am not ashamed to use it when i am with my family and friends. During work, studies, communication with CEOs, professors...i've always used standard language.
- "Belgrade" speech is often mocked but i don't see how it's different from standard speech.
- Dialects should be preserved!!!
- I try to speak in standard language when it's appropriate to do so, but not to adapt to other non-standard speeches (sixth question).
- Even though i speak in dialect at home, i've used standard language during my studies and i use it during work. No one ever noticed i'm from a non-standard language speaking region.
- Since I am from Vranje, and i've studied in Kragujevac with colleagues from Čačak and Užice, they were bothered by my short accent and wording such as: *Idem si kući* (I'm going home – dialectal) I remember that. Over time i've learned to differ short and long accents and now i try to speak in standard language because i work at an Elementary school. People don't notice i'm from the South, anymore. Kids in class find it terribly interesting when i say something in dialectal speech though :)
- I've always found dialects interesting, and i enjoy listening to others speak in their dialects.
- I am proud to know both literary and my dialectal speech. I even understand and can speak Shopski. People who mock others usually only know the standard language and they don't realize the beauty and the countless possibilities of expressing yourself through a number of different varieties of your native language. :)
- People from central and southern Serbia always tell me they can hear me "dragging" words when i speak and i am from Srem, and we don't "drag" words as nearly as much as (not sure if we do at all) like people in Bačka and Banat.

- I speak standard language without issues and i use archaisms from Vojvodina, as well, depending on the type of surrounding i am in. I think dialects and archaisms are our cultural treasure and we should strive to preserve them. Naturally, we should also know how to speak in standard language too.
- My Seminar paper was declined, because the teaching assistant, who examined the paper did not notice i speak with an Iekavian dialect, called my paper a work of plagiarism. Thankfully, the issue was resolved in the shortest time.
- I am from Novi Pazar, where people use 2,3 grammatical cases and the accent is weird. I was mostly mocked for the way i say the word "Paprika".
- I am from Kraljevo, but now i live in Belgrade. In Kraljevo, the natural genus most often coincides with grammatical, which is not the case in Belgrade. Pera from Belgrade and Pera from Kraljevo are not of same gender (in Kraljevo, the nickname for Petar is Pero). This was a common discussion topic between others and me, not only people from Belgrade. I still think it's more grammatically correct to say "Božov auto" than "Božin auto", but i accept both to be correct.
- I think some people mind when others speak in a dialect.
- The questions could have been better. I am allergic to those who giggle.
- My dialect belongs to the group of eastern-Herzegovian dialects, but i've been using standard language for quite some time.
- During my studies in Belgrade, people found my Vojvodinian accent to be funny, and even attractive to some guys. My accent would give away my origin every time, they called it "singing", even though i don't speak with a typical Subotički accent, it's just characteristic to my region. Now i work for a local television and i've been asked not to "sing". It was incredibly hard for me to learn standard pronunciation. I got the hang of it, but only at work. When it comes to dialects, i think i could use the one characteristic to this region without any issues but i never did, because i think it's important to speak Serbian language the way we were taught in school.
- I've been honored to fill this survey 😊 i love this topic

- Interesting topic for research. Raising the awareness regarding dialects and reducing their discrimination is a must. At the same time, i agree on the adaptation of the norm.
- I only witnessed such “mockery”
Suggestions & Constructive criticism (regarding the survey or the topic’s discussion):
- My example could be a solution for some individuals who wish not to forget their dialect. I think i’ve found the perfect counter-measure.
- The survey is excellent. We should raise awareness among people regarding the fact that accents are also a part of a language and that accents shouldn’t be a object for mockery.
- Some questions should have the answering option “i don’t know” like the question number 9
- Under “Gender” and the first question, we should’ve been given an option to choose multiple options.
- If someone answers that they don’t speak with a dialect, some later questions can’t be logically answered because they are targeted at dialectal speakers.
- Too many identical questions.
- We should give more attention to dialects in serbian literature classes.
- The media would help to promote the diversity of this kind. I think that the creation of educational programs for children and young people would help, advertisements too, tv shows that would talk about this topic would also have an impact, if anything, at least to think about it, even for a moment. A page on a social network regarding this topic would also help.

- Parenting and serbian literature teachers need a larger impact on the youth.
- The entire society and the educational system have to influence the youth in order to change this situation. “Language elitism” exists everywhere, but in our country, that quasi-elite is mostly half-hearted, without any culture or quality education.
- In the question whether we find different dialects funny...i find it nice to hear the southern dialects, macedonian as well, but not as in a way of mockery. I just think it’s funny in a good way.
- Tolerance is important. It’s important to have mutual understanding, the way we talk is less important. The diversity of our dialects is the virtue and the treasure of our language.
- No problems. They should just continue watching TV and listen to radio. They will learn it quickly (“Nema problem. Neka gledaju TV i slušaju radio. Brzo će se nauče” - dialectal speech)
- We shouldn’t label others.

ABOUT THE AUTHOR:

Natasha A. Spasić, PhD Student, Department of Philology and Arts, University of Kragujevac, Jovana Cvijica bb, Kragujevac, 34000, Serbia. natally.spasic@gmail.com

ОБ АВТОРЕ:

Спасич Наташа А., докторант, Факултет филологије и уметности, Универзитет у Крагујевцу, ул. Јована Цвијића, бб, г. Крагујевац, 34000, Србија; natally.spasic@gmail.com

УДК 82.09

DOI: 10.18413/2408-932X-2018-4-1-20-25

Черкасов В. А.¹,
Петрова С. В.²

«ЧЕСТНЫЙ ХАРАКТЕР И ЧИСТЫЙ ПОЭТИЧЕСКИЙ
ДАР»: ТВОРЧЕСТВО А. К. ТОЛСТОГО
В ОСВЕЩЕНИИ Ф. Е. ПАКТОВСКОГО

¹ Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Россия; *cherkasov@bsu.edu.ru*

² Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Россия; *petrova@bsu.edu.ru*

Аннотация. В статье представлен концептуальный анализ очерка Ф.Е. Пактовского, посвященного творчеству А.К. Толстого. Актуальность настоящего исследования определяется значимостью фигуры литературоведа для истории русской критики XIX-XX вв., важностью его взглядов на творчество авторов русской классической литературы второй половины XIX в., а также интересом для истории НИУ «БелГУ», поскольку критик был одним из директоров Белгородского учительского института. Изучение творческого наследия Ф.Е. Пактовского осуществлялось с использованием мотивационно-образного, биографического и историко-литературного методов. Обращаясь к произведениям А.К. Толстого, литературовед рассматривает их как воплощение эстетических взглядов на природу искусства, он акцентирует внимание на социально-политических мотивах, которые были актуальны для современной ему русской общественной жизни. Ф.Е. Пактовский анализирует идеи и образы А.К. Толстого в биографическом аспекте, без учета их романтической условности, он выступает как представитель русской утилитарной критики конца XIX века.

Ключевые слова: Ф. Е. Пактовский; А. К. Толстой; литературная критика; концептуальный анализ; мотивационно-образный метод; биографический метод; историко-литературный.

V. A. Cherkasov¹,
S. V. Petrova²

«HONEST CHARACTER AND PURE POETIC GIFT»:
CREATIVITY OF A. K. TOLSTOY
IN F. E. PAKTOVSKY'S WORKS

¹Belgorod State National Research University 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia;
E-mail: *cherkasov@bsu.edu.ru*

²Belgorod State National Research University 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia;
E-mail: *petrova@bsu.edu.ru*

Abstract. The article presents a conceptual analysis of the essay by F.E. Paktovsky, dedicated to the creative work of A.K. Tolstoy. The relevance of this study is determined by the importance of the figure of the literary critic for the history of Russian criticism of the 19th and 20th centuries, the importance of his views on the creativity of the authors of Russian classical literature of the second half of the 19th century, and also for the history of Belgorod State National Research University, since the critic was one of the directors of Belgorod Teachers' Training Institute. The study of the creative heritage of F.E. Paktovsky was carried out with the use

of motivational-figurative, biographical and historical-literary methods. Turning to the works of A.K. Tolstoy, a literary critic considers them as the embodiment of aesthetic views on the nature of art, he focuses attention on socio-political motives that were relevant to contemporary Russian social life. F.E. Paktovsky analyzes the ideas and images of A.K. Tolstoy in the biographical aspect, without regard to their romantic conventions, he acts as a representative of the Russian utilitarian criticism of the late 19th century.

Keywords: F. E. Paktovsky; A. K. Tolstoy; literary criticism; conceptual analysis; motivational-figurative method; biographical method; historical and literary.

Введение. Настоящее исследование задумано в рамках проекта «Белгородский учительский институт: директора, преподаватели и выпускники», плодотворно разрабатываемого под руководством профессора НИУ «БелГУ» В.М. Московкина. В установочной работе на эту тему среди прочих директоров Белгородского учительского института, чья научная деятельность требует подробного изучения, Владимир Михайлович указал, в том числе, и на фигуру литературоведа и критика Федора Егоровича Пактовского (1856/1859–1922) [3, с. 37-38]. Этот ученый известен как автор обстоятельных работ о творчестве Н.В. Гоголя, А.К. Толстого, Л.Н. Толстого, В.Г. Короленко, В.М. Гаршина, А.П. Чехова [1, с. 290-297, 359]. Его очерк о творчестве А.К. Толстого является одним из первых обобщающих трудов по теме. Он был в числе первых исследователей творчества Чехова [3, с. 38]. О значимости чеховедческих штудий Пактовского свидетельствует тот факт, что на его трактат «Современное общество в произведениях А.П. Чехова» (1901) ссылаются в современных научных исследованиях [2]. Замечательно, что в числе его учеников по 2-й Харьковской гимназии, где он служил директором, был знаменитый впоследствии писатель Гайто Газданов [4, с. 42].

Творчество А.К. Толстого всегда привлекало внимание многих ученых. К анализу его работ обращались не только в России, но и за рубежом, о чем свидетельствуют работы N.S. Parsons, E. Sheinberg, M. Ritzarev, A. Szymańska [7, 8, 9].

В связи со значимостью фигуры Ф.Е. Пактовского для истории русской критики рубежа XIX-XX вв., актуальностью его взглядов на творчество классиков русской литературы второй половины XIX в., а также для истории НИУ «БелГУ», мы намереваемся провести концептуальный анализ его литературоведческого и литературно-критического наследия, рассмотрев основные мотивы его литературоведческих и критических работ. Их достаточно много, и они весьма объемны. Поэтому данная статья является по необходимости первой, (надеемся, не последней) в задуманной нами целой серии статей, посвященных изучению творчества Ф.Е. Пактовского.

Основная часть. Хронологически первым из литературоведческих и литературно-критических трудов Ф.Е. Пактовского следует очерк «Граф А.К. Толстой и его поэтическое творчество» (1900), написанный к 25-летию смерти поэта [5]. К его разбору мы и приступим.

Ф.Е. Пактовский объясняет относительно скромное чествование двадцатипятилетней годовщины смерти А.К. Толстого неактуальностью идейного мира его произведений, «воспевавших лишь прекрасное» [5, с. 4], в условиях «кипучей социально-общественной деятельности, какую характеризуются 60-е годы» [5, с. 5] девятнадцатого века. Однако критик стремится сгладить возникшее противоречие между утилитарным направлением русской общественной мысли и творчеством поэта, указав на вневременную значимость характерных для последнего «вечных и общих идей красоты и добра» [5, с. 5]: «И если поэзия

гр. А. Толстого, не касаясь непосредственно злобы дня, оставалась в то же время выразительницей прекрасных сторон жизни человеческого духа, она, значит, не была побеждена современностью и имела свое право на совместное существование с поэзией иного направления» [5, с. 6].

Характеризуя идейный мир поэзии Толстого, Ф.Е. Пактовский подчеркивает прежде всего ее народность, то есть установку поэта на выражение русской национальной идентичности. Данный акцент на национальном содержании поэзии Толстого находится в связи с общим стремлением критика «оправдать» поэта в глазах сторонников утилитарных представлений о задачах русской литературы. В качестве примеров «народной» лирики Толстого в указанном понимании этого определения Пактовский приводит опубликованные в журнале «Современник» стихотворения «Коль любить, так без рассудку...» (1854), «Благоразумие» (1854), «Ой, каб Волга матушка да вспять побежала!..» (1856). При этом в данных произведениях он выделяет «социальные» мотивы и образы, близкие пониманию демократической общественности. Так, стих «Коли спорить, так уж смело...» вызывает у него ассоциацию с образом «неистового Виссариона» [Там же, 10]. При рассмотрении «Благоразумия» он указывает на сходство позиции лирического героя Толстого с авторской позицией А.С. Грибоедова, высмеявшего «умеренность и аккуратность» как мировоззренческую установку. В «Ой, каб Волга матушка да вспять побежала!..» критик трактует в утилитарном смысле стихи «Да кабы приказных по боку, да к черту!», «Да кабы голодный всякий день обедал!». Любопытно, что в литературно-критическом дискурсе Пактовского органично сочетаются подобные социально-обличительные мотивы с мотивом монархическим. В стихах «Коль простить, так всей душой, / Коли пир, так пир горой!» он видит намек на образ Петра

I, ставя его, таким образом, в один ряд с упомянутым образом «неистового Виссариона», а ироническую концовку стихотворения «Ой, каб Волга матушка да вспять побежала!..» «выпрямляет» весьма верно-подданнически: «“Чтобы батюшка царь наш всю правду ведал”¹ высоко ставит его [Толстого – В.Ч., С.П.], как благородного земца своей страны, в душе которого живет святое пожелание единения народа с престолом своего отечества» [5, с. 11].

Как известно, Толстой написал целый ряд произведений с остро выраженным неприятием шестидесятничества. Как же Пактовский преодолевает это препятствие в своем стремлении примирить демократическую общественность конца XIX века с «отверженным» поэтом? Он уравнивает позиции противоборствующих сторон, указывая на их крайности. Шестидесятники, по мнению Пактовского, неправомерно отрицали искусство общегуманистической направленности, кроме утилитарного. «Как ни велико значение художества, которое создает общественную мысль, или будит ее, хотя роль его и первенствующа [так!] в истории нашей страны, – пишет он, – но тем не менее высокое и бесспорное значение его не должно уничтожить значения и того художества, которое воспитывает просто человека, а не только гражданина своего времени, ибо и гражданин должен быть прежде всего человеком» [5, с. 19]. В этой связи Пактовский признает справедливой критику утилитаризма в искусстве, выраженную в программном стихотворении Толстого «Против течения» (1867). Однако Толстой, по мнению критика, также был не прав, выдавая в стихотворении «Пантелей-целитель» (1866) и поэме «Поток-богатырь» (1871) частные недостатки деятельности шестидесятников за сущность их учения. Тем не менее, Пактовский объясняет памфлетные выпады Толстого против шестидесятничества простым

¹ В Собрании сочинений А.К. Толстого в 4 томах (1969) этот стих приведен в следующей редакции: «Да батюшка б царь наш всю правду бы ведал!» [6, т. I, с. 236].

недоразумением, или, по его словам, «невольной ошибкой» [5, с. 21], не могущей подорвать веру в чистоту демократических убеждений поэта. Вот образец рассуждений критика на эту тему: «Незаметно для себя он примкнул этими двумя стихотворениями к несимпатичному стану противников реформ, именно незаметно для себя, потому что трудно поверить, чтобы симпатии поэта были на стороне приказного дьяка вместо суда присяжных, или на стороне пустой светской жизни русской девушки вместо ее стремлений к учению, к деятельной работе на тех же поприщах, где работает и мужчина» [5, с. 20]. «Указанные дефекты поэзии гр. А. Толстого не должны и не могут поколебать его значения как честного писателя еще и потому, что насмешка насмешке рознь. Его насмешка проистекала отнюдь не из ненависти ко всему благородному и честному, она не была боязнью, что рушатся ходульные авторитеты и свет задавит “во тьме ходящих”; она была лишь свойственное людям недоразумение и, может быть, принесла обществу известную долю пользы, удерживая его от дальнейших увлечений. Если к этому добавим, что у гр. А. Толстого есть уклонения совсем иного характера, то будет вполне понятно, что А.К. Толстой не был противником описанных явлений по убеждению» [5, с. 21]. Под «уклонениями совсем иного характера» Пактовский скорее всего имел в виду не менее острые выпады поэта против власть предержащих, на одном из которых, сатире «У приказных ворот собирался народ...» (1857), он подробно остановился выше.

Вторая часть очерка Пактовского, посвященная характеристике эпических и драматических произведений Толстого, построена на рассмотрении их идейно-образного уровня самого по себе, безотносительно к общественной проблематике 1860-1870-х гг. Данная установка мотивируется убеждением критика в замкнутости интересов Толстого как исторического романиста и драматурга на допетровской истории Рос-

сии: «... верный самому себе и своим взглядам на искусство, гр. А. Толстой не касается и в эпических и драматических произведениях не только эпохи, современной ему, но даже и близкой его времени. Его поэтическая область, или владение, русская жизнь и история до Петра Великого с ее положительными и отрицательными явлениями» [5, с. 22]. По Пактовскому, именно в прозе и драме Толстой проявляет себя как «поэт чистых, высоких идеалов, которые должны прежде всего быть основанием общественной жизни» [5, с. 21]. В соответствии с указанной установкой, Пактовский концентрируется на анализе структурных, поэтических особенностей прозаических и драматических произведений Толстого. На его взгляд, история играет в творчестве писателя подчиненную роль: она ему нужна лишь «для выражения своих личных идеалов» [5, с. 23]. Поэтому критик делит систему персонажей эпических и драматических произведений Толстого, которые он рассматривает как единый текст, на две категории: «одни – живые лица истории, появившиеся в создании в силу лишь требования истины, самого факта, носители идей своего времени, представители “злобы дня в истории” и потому лица, нужные поэту для его оригинальной художественной концепции; другие – его личные создания <...> своеобразные психологические этюды, воплотившие в себе заветные идеалы самого поэта, и носят лишь внешние черты своего оригинала, его имя и общее очертание исторических портретов» [5, с. 24]. Конфликт произведений Толстого строится, по Пактовскому, «на борьбе, на столкновении представителей идей “злобы дня” в истории с представителями чистых вечных идей, которыми наделены идеальные создания поэта» [5, с. 24]. Под «злобой дня» критик разумеет «государственные начала» [5, с. 25], ради утверждения которых ломались судьбы отдельных людей, уничтожалось их

нравственное начало. У Толстого эту деспотическую идею реализуют Иоанн IV и Борис Годунов. С ними сопоставлены и одновременно им противопоставлены герои, которые, по формулировке Пактовского, «действительно являют перед нами всё высоконравственное в человеке, всё нравственно крепкое, мощное, сильное и вместе с тем оттеняют собою временное и безнравственное в увлечениях или убеждениях людей, взявших на себя работу времени» [5, с. 25]. Таковы, по его мнению, боярин Морозов, князь Серебряный, царь Федор Иоаннович, царица Ирина, князь Репнин, князь Иван Петрович Шуйский и др. [5, с. 25]. Критик считает, что идеальные персонажи Толстого являются прямой проекцией его личности, так сказать, резонансными голосами, выражающими его заветные убеждения и мечты о справедливом обществе: «В речи своих идеальных персонажей поэт влагает всю силу своего личного, правда, всегда спокойного чувства и симпатий; он так властно приковывает внимание читателя и зрителя к словам и поступкам действующих лиц, что он долго не может позабыть их благородных образов. В этом – жизненная сила художественных произведений А.К. Толстого» [5, с. 27]. Замечательно, что в этой связи Пактовский указывает на обличающие деспотию царской власти речи боярина Морозова в романе «Князь Серебряный», а также боярина Сицкого, эпизодического персонажа из трагедии «Смерть Иоанна Грозного».

Заключение. Подведем общий итог нашего исследования. Из всей лирики Толстого Пактовский выбирает для анализа, в качестве, по его мнению, наиболее для нее характерных, стихотворения социально-политической направленности. Любовной и пейзажной лирике поэта критик уделяет гораздо меньше внимания, ограничиваясь общей ее характеристикой. Трактует эпос и драму Толстого как реализацию его эстети-

ческих взглядов на природу искусства, Пактовский, тем не менее, акцентирует в них социально-политические мотивы, актуальные для современной ему русской общественной жизни. Даже пресловутые «идеалы» в творчестве Толстого, свидетельствующие, по его собственному признанию, о приверженности поэта «чистому искусству», он утилитаристски рассматривает как хорошее дидактическое средство для воспитания подрастающего поколения. При этом критик воспринимает идеи и образы Толстого в биографическом ключе, как прямые проекции его личности, не учитывая их романтической условности. В рассматриваемом очерке Пактовский предстает как представитель русской утилитарной критики конца XIX века, генетически восходящей к революционно-демократическим традициям эпохи 1860-х гг.

Conflict of Interests: authors have no conflict of interests to declare.

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликта интересов для декларации.

Литература

1. Воронова, Л.Я. Пактовский, Ф. Е. // Русская литература в восприятии казанской интеллигенции. Учебн. пособие: хрестоматия. Казань: КФУ, 2013. С. 359-360.
2. Ершова, А.А. А.П. Чехов в оценке казанской критики и литературоведения конца XIX – начала XX веков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2016. 19 с.
3. Московкин, В.М. Белгородский учительский институт: директора, преподаватели и выпускники // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2014. Том 1. №. 2. С. 29-41.
4. Орлова, О.М. Проблема автобиографичности в творческой эволюции Гайто Газданова: дис.... канд. филол. наук. Москва, 2005. 258 с.
5. Пактовский, Ф.Е. Граф А.К. Толстой и его поэтическое творчество: [К 25-летию со

дня смерти поэта]. Казань: Типо-лит. Имп. Ун-та, 1900. 37 с.

6. Толстой, А.К. Собр. соч. В 4 т. М.: Правда, 1969.

7. Parsons, N.S. A hostage to art: The portraits of Boris Godunov by Pushkin and A.K. Tolstoy // *Forum for Modern Language Studies*. Vol. 16. No. 3. 1980. Pp. 237-255.

8. Sheinberg, E., Ritzarev, M. 'The Infinite Grace of Jesus': Massenet's Early Score and Tchaikovsky's Blessed Tears // *Music and Letters*. Vol. 91. No. 2. 2010. Pp. 171-197.

9. Szymańska, A. The figure of the Commander in 19th century Russian drama // *Slavia Orientalis*. Vol. 60. Iss. 3. 2011. Pp. 327-336.

References

1. Voronova, L. Ja. (2013), "Paktovskiy F.E." (in Russ.), *Russkaya literatura v vospriyatii kazanskoj intelligencii* [Russian literature in the perception of the Kazan intelligentsia], Kazan Federal University, Kazan, Russia, 359-360. (in Russ.)

2. Ershova, A. A. (2016), *A.P. Chekhov v otsenke kazanskoj kritiki i literaturovedeniya kontsa XIX – nachala XX vekov*, [A.P. Chekhov in the assessment of Kazan criticism and literary criticism of the late XIX-early XX centuries], Abstract of PhD thesis, Philology, Kazan Federal University, Kazan, Russia. (in Russ.)

3. Moskovkin, V. M. (2014), "Belgorod Teachers' Training Institute: directors, teachers and graduates" (in Russ.), *Research Result. Social studies and humanities*, vol. 1, no. 2, 29-41.

4. Orlova, O. M. (2005), *Problema avtobiografichnosti v tvorcheskoy evolyutsii Gayto Gazdanova*, [The problem of autobiography in the creative evolution of Gaito Gazdanov], PhD thesis, Philology, Moscow State University, Moscow, Russia. (in Russ.)

5. Paktovsky, F. E. (1900), *Graf A.K. Tolstoy i ego poeticheskoe tvorchestvo* [Count A.K. Tolstoy and his poetic work], Типо-литография Императорского Университета, Kazan, Russia. (in Russ.)

6. Tolstoy, A. K. (1969), *Sobranie sochineniy v 4 tomakh* [Collected works in 4 vol.], Pravda, Moscow, Russia. (in Russ.)

7. Parsons, N. S. (1980), "A hostage to art: The portraits of Boris Godunov by Pushkin and A.K. Tolstoy", *Forum for Modern Language Studies*, 16 (3), 237-255.

8. Sheinberg, E. and Ritzarev, M. (2010), "'The infinite Grace of Jesus': Massenet's 'Marie-Magdeleine' and Tchaikovsky's blessed tears", *Music and Letters*, 91 (2), 171-197.

9. Szymańska, A. (2011), "The figure of the Commander in 19th century Russian drama", *Slavia Orientalis*, 60 (3), 327-336.

ОБ АВТОРАХ:

Черкасов Валерий Анатольевич, доктор филологических наук, доцент; профессор кафедры теории, педагогики и методики начального образования и изобразительного искусства, Педагогический институт, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; cherkasov@bsu.edu.ru

Петрова Светлана Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории, педагогики и методики начального образования и изобразительного искусства, Педагогический институт, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; petrova@bsu.edu.ru

ABOUT THE AUTHORS:

Valery A. Cherkasov, Doctor of Philology, Professor, Department of Theory, Pedagogy and Methods of Primary Education and Fine Arts, Pedagogical Institute, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; cherkasov@bsu.edu.ru

Svetlana V. Petrova, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Theory, Pedagogy and Methods of Primary Education and Fine Arts, Pedagogical Institute, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; petrova@bsu.edu.ru

АРХИВ
ARCHIVE

УДК 930.25

DOI: 10.18413/2408-932X-2018-4-1-26-34

Московкин В. М.

ТРИ ДОКУМЕНТА ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА
АЛЕКСЕЯ НИКОЛАЕВИЧА ДЕРЕВИЦКОГО (1859-1943),
СВИДЕТЕЛЬСТВУЮЩИЕ О ЕГО БЛИЗОСТИ
К РОССИЙСКОМУ ИМПЕРАТОРУ

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; *moskovkin@bsu.edu.ru*

Аннотация. В статье сделан обзор наиболее значимых исследований деятельности А.Н. Деревницкого и впервые опубликованы три документа из его семейного архива, свидетельствующие о близости его к императорской семье: билет члена Государственного Совета России и два благодарственных письма, одно из которых от Великих княжон Анастасии Николаевны и Милицы Николаевны, связано с его работой в Комитете помощи раненым, больным и выздоравливающим офицерам и нижним чинам (Киев). Срок годности вышеуказанного билета показывает, что А.Н. Деревницкий участвовал в работе последней тринадцатой сессии Государственного Совета. Точные даты работы А.Н. Деревницкого в этом органе власти определены по докторской диссертации А.П. Бородина (2000). Изучение контекста попадания А.Н. Деревницкого в Государственный Совет по вышеуказанной диссертации позволило установить, что он был назначен по императорской квоте с должности попечителя Оренбургского учебного округа с целью усиления позиций правых сил в этом совете. Показана роль А.Н. Деревницкого в деятельности Комитета помощи раненым, больным и выздоравливающим офицерам и нижним чинам.

Ключевые слова: А.Н. Деревницкий; семейный архив А.Н. Деревницкого; Делия Цветковская; Государственный Совет России; Комитет помощи раненым, больным и выздоравливающим офицерам и нижним чинам; Великая княжна Анастасия Николаевна; Великая княжна Милица Николаевна.

V. M. Moskovkin

THREE DOCUMENTS FROM THE FAMILY ARCHIVE
OF ALEXEI NIKOLAEVICH DEREVITSKY (1859-1943),
INDICATING HIS CLOSENESS TO THE RUSSIAN EMPEROR

Belgorod National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia;
moskovkin@bsu.edu.ru

Abstract. The article reviews the most important studies of the activities of Aleksey Nikolayevich Derevitsky and the first three published documents from his family archive demonstrating his personal closeness to the Russian imperial family: a membership card of the State Council of Russia and two letters of appreciation, including the letter from the Great princesses Anastasia and Militsa related to his work in the Committee for Assistance to the wounded, sick and convalescent officers and lower ranks

(Kiev). The expiration date of the above mentioned membership card shows that Aleksey Nikolayevich Derevitsky participated in the work of the last thirteenth session of the State Council. The exact dates of the work of Aleksey Nikolayevich Derevitsky in this body of the government authority were determined in the doctoral dissertation of A. P. Borodin (2000). The study of the dissertation context of Aleksey Nikolayevich Derevitsky's entry into the State Council reveals that he was promoted under the imperial quota from the post of the Trustee of Orenburg educational district with the purpose of strengthening the position of right-wing forces in this Council. The article also shows the role of Aleksey Nikolayevich Derevitsky in the activities of the Committee for assistance to the wounded, sick and recuperating officers and lower ranks.

Keywords: A. N. Derevitsky; Aleksey Nikolayevich Derevitsky family archive; Delia Tsvetkovskaya; State Council of Russia; Committee for assistance to the wounded, sick and convalescent officers and lower ranks; Great princess Anastasia Nikolaevna; Great princess Militsa Nikolaevna.

Введение

Жизнедеятельность выдающегося деятеля российского образования и крупного ученого в области греческой филологии Алексея Николаевича Деревницкого (1859-1943) изучена еще недостаточно полно. О весомости его личности говорят те факты, что он был приват-доцентом и профессором Императорского Харьковского университета (1885-1893), ректором Императорского Новороссийского университета (1902-1905), попечителем Казанского (1905-1911), Киевского (1912-1915) и Оренбургского (1916-1917) учебных округов, одним из основателей Таврического университета и первым деканом его историко-филологического факультета (1918), тайным советником (1912) и членом Государственного Совета России последней сессии (1917).

Исследования его творческой деятельности опубликованы в ряде работ [2-10], из которых наиболее всеохватывающее исследование проделал А.А. Непомнящий [6]. Ему удалось изучить архивное дело, хранящееся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН [см. 4], в котором нашлась подробная автобиография А.Н. Деревницкого, написанная в 1927 году. Благодаря этому источнику ему удалось прояснить некоторые противоречия в ранее опубликованных данных, например, тот факт, что А.Н. Дерев-

ницкий родился в Харькове, а не в Полтавской губернии, как отмечали другие исследователи.

В ряде работ [2, 3, 6-10] довольно подробно описаны Харьковский, Одесский и Крымский периоды деятельности А.Н. Деревницкого. В то же время, мало известно о его работе попечителем Казанского, Киевского и Оренбургского учебных округов. Зная из работы З. Ливицкой [3], что большая часть Ялтинского архива и библиотеки А.Н. Деревницкого была вывезена его сыном Алексеем в ноябре 1920 г. (вместе с эвакуировавшейся из Крыма армией Врангеля) во Францию, мы предположили, что большинство документов времен его работы в Казани, Киеве и Оренбурге были вывезены из России [4].

Оставшаяся часть Ялтинского семейного архива А.Н. Деревницкого до августа 2016 г. хранилась в его Ялтинском двухэтажном особняке постройки 1907 г. по улице Загородной, дом 15, рядом с Армянской церковью. Летом 2013 г. мы были уполномочены наследницей Ялтинского дома А.Н. Деревницкого Делией Цветковской (Москва) подыскать достойное место для передачи на хранение и дальнейшего изучения остатков Ялтинского семейного архива А.Н. Деревницкого. Рассматривая различные варианты такого места хранения, мы остановились на Крымском федеральном университете (КФУ), куда в авгу-

сте 2016 года мы и передали остатки Ялтинского семейного архива А.Н. Деревницкого. Его принял директор вновь открывшегося Музея истории этого университета, ведущий специалист по изучению жизнедеятельности этого ученого и государственного деятеля, профессор А.А. Непомнящий. По откликам сотрудников этого музея, уникальные групповые фотографии профессорско-преподавательского состава историко-филологического факультета Крымского пединститута во главе с А.Н. Деревницким (1920-30-е годы) из переданного нами архива позволили пролить свет на неизвестные страницы деятельности этого факультета [см. 4].

Изучая вместе с заведующей отделом редкой книги Ялтинской центральной городской библиотеки имени А.П. Чехова И.С. Ганжой сохранившиеся документы из ялтинского семейного архива А.Н. Деревницкого до его передачи в КФУ, мы обнаружили папку с газетными вырезками, датированными в интервале с 1909 по 1916 г. и охватывающими издания: «Казанский Телеграф», «Утро России», «Киев», «Киевлянин», «Новое время», «Земщина», «Камско-Волжская речь». В ряде случаев выходные данные этих изданий на вырезках записаны рукой А.Н. Деревницкого. Рассматриваемый временной период как раз охватывает годы, когда А.Н. Деревницкий был попечителем Казанского, Киевского и Оренбургского учебных округов, что и позволило нам пролить свет на неизвестные факты деятельности А.Н. Деревницкого в этих учебных округах, а также на скандальное его отстранение с поста ректора Императорского Новороссийского университета в период революционных волнений 1905 года [4].

В дальнейшем мы с ведущим библиографом отдела «Украиника» Харьковской государственной научной библиотеки имени В.Г. Короленко Е.Н. Дмитриевой детально изучили харьковский период творческой деятельности А.Н. Деревницкого, основываясь на материалах редких книжных фондов Центральной научной библиотеки

Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина и Харьковской государственной научной библиотеки имени В.Г. Короленко [см. 5].

В 2013 г. наследница А.Н. Деревницкого Делия Цветковская выслала нам из Москвы уникальные копии документов, касающиеся членства А.Н. Деревницкого в Государственном совете и его связей с императорской семьей. Мы решили опубликовать и прокомментировать эти документы в этой статье. Следует отметить, что после переезда А.Н. Деревницкого в 1930-е годы из Крыма в Москву часть документов его Ялтинского семейного архива была перевезена в столицу.

Основные результаты исследования

На рис. 1 и 2 представлена сканированная копия билета члена Государственного Совета А.Н. Деревницкого, действительного до 1 января 1918 г., под номером 40. На нем мы видим подпись А.Н. Деревницкого и подпись лица, которое расписалось за Статс-Секретаря. Расшифровка этой подписи требует специальных усилий. Известно, что половина членов Верхней палаты российского парламента (Госсовета) в количестве 98 человек назначалась императором, а вторая половина в таком же количестве избиралась, при этом 98 членов Госсовета определялись на год к присутствию. По какой квоте был избран в Госсовет А.Н. Деревницкий, его наследнице Делии Цветковской, а следовательно, и нам, было до сих пор неизвестно. Из истории деятельности Госсовета известно, что он прекратил свою работу в мае 1917 г. и был упразднен 13 декабря этого же года декретом Совета народных комиссаров. Последнее его заседание состоялось 20 февраля 1917 г.

Чтобы прояснить вопрос о назначении или избрании А.Н. Деревницкого в Госсовет, мы обратились к докторской диссертации А.П. Бородина «Государственный совет России, 1906-1917 гг.: Состав и роль в истории третьиюньской монархии» [1]

Рис. 1. Сканированная копия билета А.Н. Деревницкого,
члена Государственного совета Российской империи
Fig. 1. A scanned copy of the card of A.N. Derevitsky as a member
of the State Council of the Russian Empire

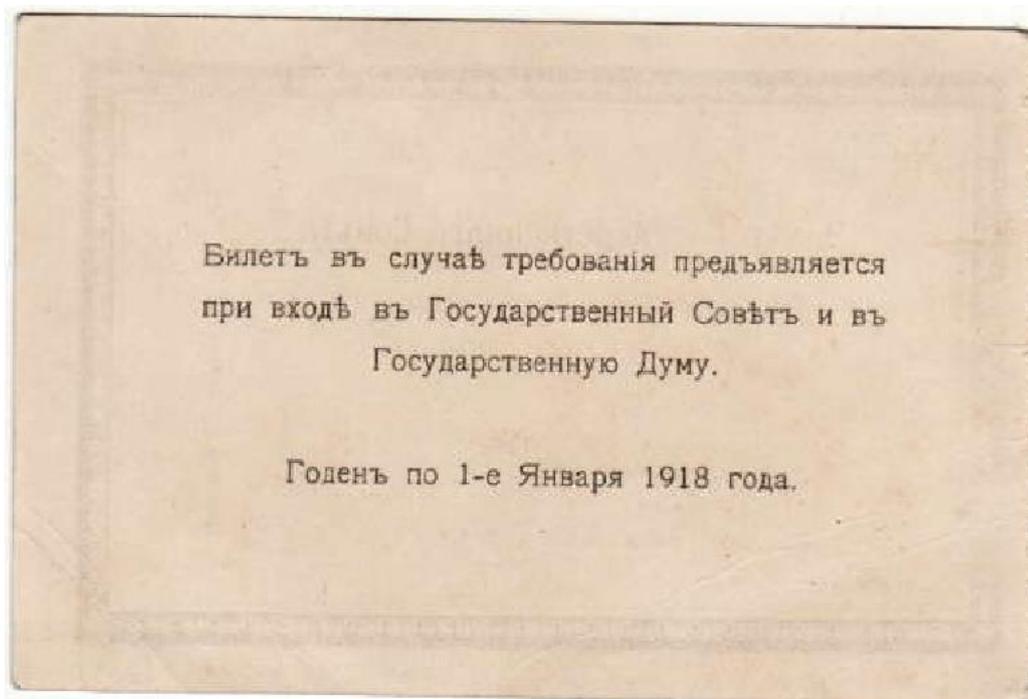

Рис. 2. Сканированная копия билета А.Н. Деревницкого,
члена Госсовета Российской империи (оборотная сторона)
Fig. 2. A scanned copy of the card of A.N. Derevitsky as a member
of the State Council of the Russian Empire (reverse)

. Из нее мы почерпнули следующую краткую биографическую справку, составленную на А.Н. Деревницкого: Деревницкий Алексей Николаевич (10.III.1859- ?): из дворян; правосл.; Харьков. ун-т, докт. греческой словесности, экстра-орд. проф., ТС¹, чл. г. с. и к присутствию 1.01.1917 г. с должн. попечителя Оренбург. учеб. окр.; 11 тыс. руб.; правая; без недвиж. им.; с 05.1917 г. за штатом, 25.10.1917 г. уволен.

Из этой справки мы видим, что А.Н. Деревницкий был назначен в Госсовет по царской квоте с 1 января 2017 г., за пять месяцев до прекращения его работы. Контекст его назначения был следующим. В российском обществе и в государственной власти постоянно шла борьба правых и левых сил. Левые силы в Госсовете в то время представлял Прогрессивный блок. Постоянно возникали идеи «чистки» Госсовета, то есть перевода в «неприсутствующие» сторонников Прогрессивного блока и назначения на освободившиеся места правых. На этом всегда настаивала правая печать. Царь же, придерживаясь позиции политического квиетизма, не желал зависимости как от правых, так и от их либеральных оппонентов [1]. Но так как на начало XIII, последней, сессии Госсовета большинство его членов составляли сторонники Прогрессивного блока, то царь был вынужден провести «чистку» Госсовета. 29 декабря 2016 г. он вычеркнул 18 человек в списке назначенных к присутствию в 1916 г., назначив новых членов Госсовета, в результате чего доля правых среди назначенных царем поднялась до 57,14 %. Из 18 назначенных членов 17 были назначены с 1 января 2017 г. В этом списке оказался А.Н. Деревницкий, как персона, приближенная к императорской семье и имеющая правую ориентацию. Косвенно это подтверждается и тем, что один из назначенцев имел чин IV класса и занимал придворную должность [1].

На рис. 3 мы приводим письмо с благодарностью А.Н. Деревницкому от Великой

княжны Анастасии Николаевны за его активную работу в Комитете помощи раненым, больным и выздоравливающим офицерам и нижним чинам, в связи закрытием этого Комитета 1 октября 1915 г. Она была председателем этого Комитета, а ее сестра Великая княжна Милица Николаевна, как видно из письма, была вице-председателем. Также видим, что Комитет работал в Киеве. Письмо подписано 30 сентября 1915 г.

На рис. 4 представлено письмо от Помощника Председательницы Комитета в чине Генерал-лейтенанта и Управляющего делами Комитета, Камергера Высочайшего Двора о награждении А.Н. Деревницкого памятным жетоном. Письмо датировано 27 октября 1915 г. и было послано через 28 дней после предыдущего письма (рис. 3). Расшифровка подписантов этого письма требует дополнительных разысканий.

О деятельности А.Н. Деревницкого в Комитете помощи... можно судить по двум газетным публикациям 2015 г., которые были обнаружены нами при изучении Ялтинского семейного архива А.Н. Деревницкого. В самом начале первой статьи «К переводу А.Н. Деревницкого» («Киев», № 652, 1 ноября 1915 г.) отмечалось, что «циркулирующие долгое время слухи о переводе из Киева попечителя учебного округа, т. с. А.Н. Деревницкого превратились в совершившийся факт: Деревницкий переведен из Киева». В контексте его работы в Комитете помощи раненым, больным и выздоравливающим офицерам и нижним чинам показателна концовка статьи: «Широкая отзывчивость нашего округа на нужды войны, оборудование и содержание им таких крупных учреждений, как военно-санитарный поезд № 96, лазарет, патронат для увечных воинов и противогазовая мастерская - всё это неразрывно связано с именем А.Н. Деревницкого».

¹ Тайный советник (гражданский чин III класса в Табели о рангах).

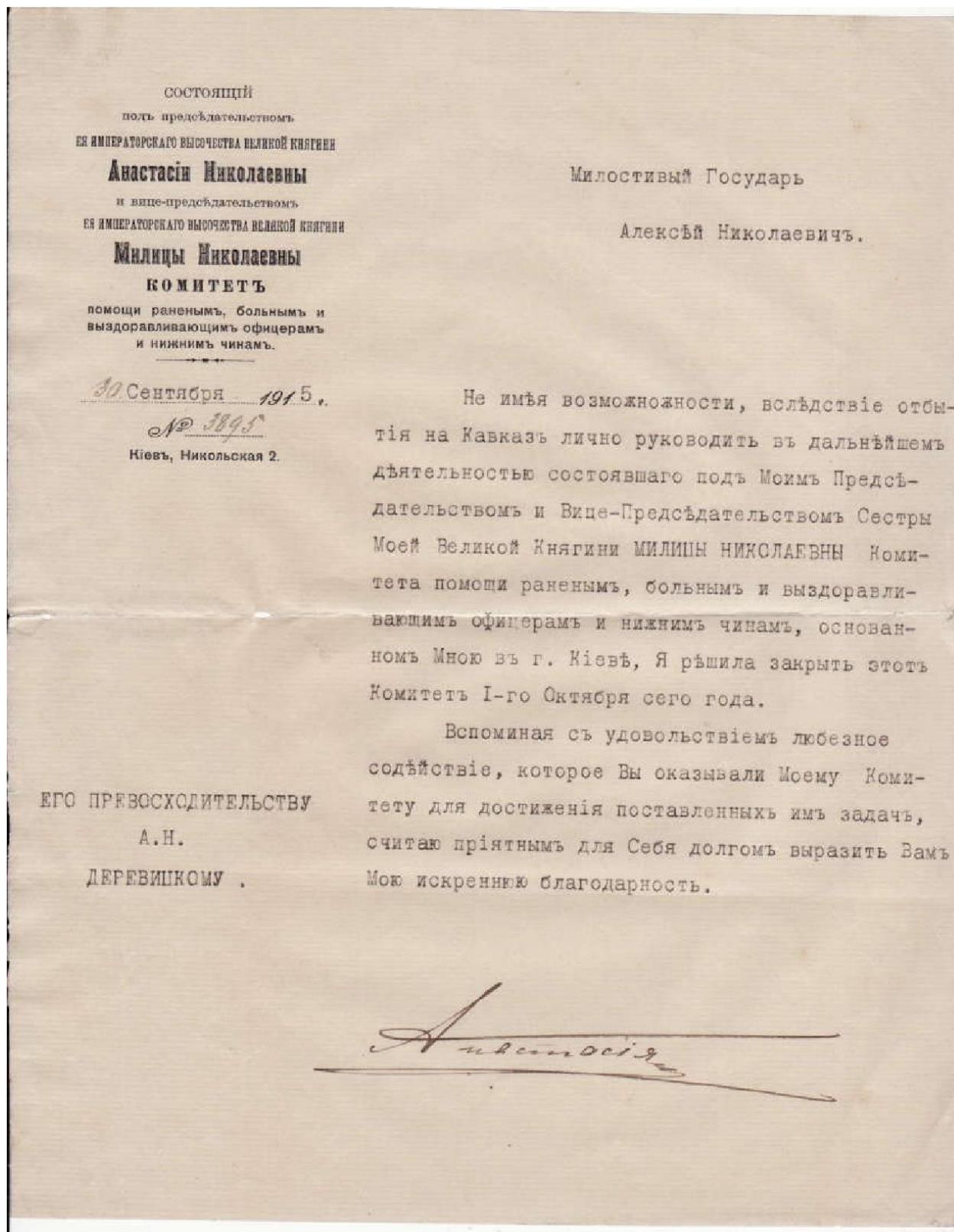

Рис. 3. Благодарственное письмо Анастасии Николаевны и Милицы Николаевны
Александру Николаевичу Деревницкому

Fig. 3. A letter of appreciation from Anastasia Nikolaevna and Milica Nikolaevna
to Alexander Nikolaevich Derevitsky

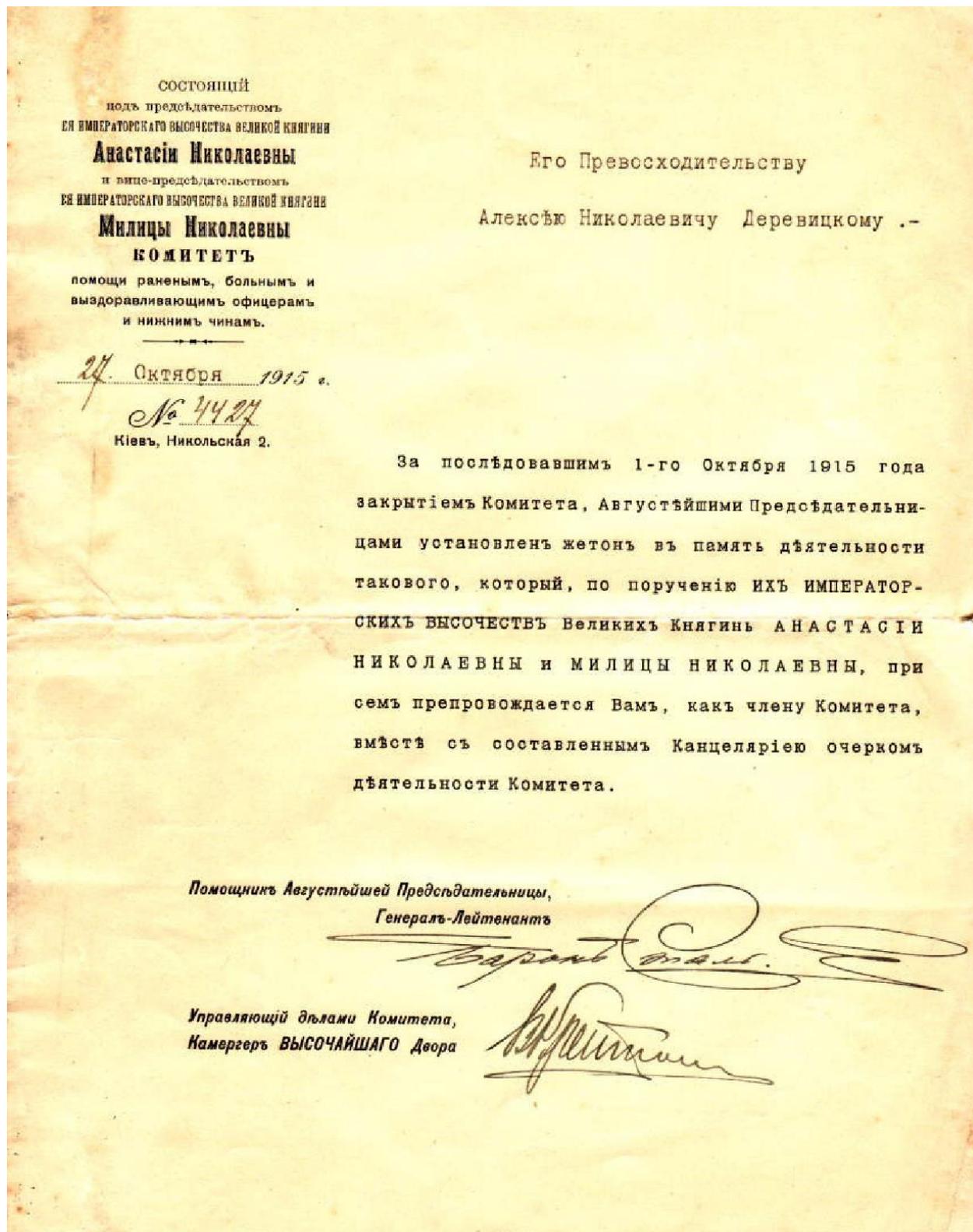

Рис. 4. Письмо А.Н. Деревицкому от Комитета помощи раненым, больным и выздоравливающим офицерам и нижним чинам о награждении его памятным жетоном

Fig. 4. A letter to A.N. Derivitsky from the Committee for Assistance to the wounded, sick and convalescent officers and lower ranks about awarding him a commemorative badge

Статья подписана псевдонимом «Киевлянин». На следующий день после выхода этой статьи в газете «Киев» была опубликована под псевдонимом «В.Г.» очередная статья «Чествование попечителя Киевского учебного округа т. с. А.Н. Деревницкого» (№ 653, 2 ноября 1915 г.). Она начиналась словами: «Вчера, в 2 часа дня, в помещении педагогического музея цесаревича Алексея состоялось торжественное и многолюдное прощание представителей высших, средних и низших учебных заведений Киевского учебного округа с уходящим к месту нового служения попечителем учебного округа т. с. Алексеем Николаевичем Деревницким».

В этом торжественном собрании приветственное слово произнес окружной инспектор А.В. Липеровский от имени Комитета при управлении Киевского учебного округа по оказанию помощи раненым и семьям запасных, после чего был прочитан протокол общего собрания от 25 октября 1915 г. о присвоении имени А.Н. Деревницкого патронату для увечных воинов, открытому 18 января 1915 г. В свою очередь, А.Н. Деревницкий «предложил присвоить патронату, как и другим учреждениям Комитета, имя Киевского учебного округа». Вышеуказанный комитет постановил учредить с 1 января 1916 г. три стипендии имени А.Н. Деревницкого для детей, внуков и потомков участников войны в размерах 2000, 3000, 5000 рублей в год соответственно, для обучающихся в низших, средних и высших учебных заведениях Киевского учебного округа [см. 4].

Заключение

Итак, нами сделан обзор наиболее значимых исследований по деятельности Алексея Николаевича Деревницкого (1859-1943) и впервые опубликованы и прокомментированы три документа из его семейного архива, касающиеся работы этого крупного государственного деятеля в Государственном Совете Российской империи и Комитете помощи раненым, больным и выздоравливающим офицерам и нижним чинам. Наше исследование проливает новый

свет на масштабы чиновничьей деятельности А.Н. Деревницкого.

Автор благодарит Делию Цветковскую за предоставленные сканированные копии документов из семейного архива А. Н. Деревницкого.

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для декларации.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

Литература

1. Бородин, А.П. Государственный совет России, 1906-1917 гг.: Состав и роль в истории третьионьской монархии: дис. ... д-ра истор. наук. Киров, 2000. 489 с.
2. Избаш, Т.О. Деревницкий Олексій Миколайович // Профессори Одеського (Новоросійського) університету: Біографічний словник. 2 изд.: у 4 т. Одеса: Астропринт, 2005. Т. 1. С. 44-48.
3. Ливицкая, З. «Наш профессорский уголок...» О профессоре А.Н. Деревницком // В поисках Ялты. Записки музейщика. Симферополь: Н. Оріанда, 2013. С. 186-195.
4. Московкин, В.М., Ганжа, И.С. Новые сведения о деятельности Алексея Николаевича Деревницкого (1859-1943): по материалам Ялтинского семейного архива // Гуманитарные научные исследования. 2017. № 2 (66). С. 13-24.
5. Московкин, В.М., Дмитриева, Е.Н. О деятельности Алексея Николаевича Деревницкого в Харькове // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2017. Т. 3. № 2. С. 37-46.
6. Непомнящий, А.А. А. Н. Деревницкий: неизвестные страницы биографии // Universitates: наука и просвещение. 2013. № 4 (55). С. 54-62.
7. Непомнящий, А.А. Подвижники крымоведения: в 2 т. Симферополь, 2006. Т. 1. С. 187-204.
8. Непомнящий, А.А. Слово о первом декане (А. Н. Деревницкий) // Ученые записки Таврического университета имени В. И. Вернадского. Симферополь, 1999. Т. 12 (51). № 1. С. 100-105.

9. Нетушин, И.В. Деревницкий Алексей Николаевич // Историко-филологический факультет Харьковского университета за первые сто лет его существования (1805-1905) / Под ред. М.Г. Халанского и Д.И. Багалея. Харьков, 1908. Отд. 2: Биографический словарь профессоров и преподавателей. С. 212-215.

10. Филимонов, С.Б. Из прошлого русской культуры в Крыму: поиски и находки историка-источниковеда. Симферополь: Н. Орианда, 2010. 408 с.

References

1. Borodin, A. P. (2000), *Gosudarstvennyy sovet Rossii, 1906-1917: Sostav i rol' v istorii treteiyunskoy monarkhii*, [The State Council of Russia 1906-1917: The composition and role in the history of the Third of June monarchy], Doctoral thesis in history, Kirov, Russia. (in Russ.)

2. Izbash, T. O. (2005), "Derevitskiy Oleksiy Mikolayovich", *Professory Odes'kogo (Novorosiytskogo) universitetu: Biografichnij slovník*, 2 izd.: u 4 t. [Professors of Odessa (Novorossiya) University: A Biographical dictionary, 2 ed. in 2 vol.], Vol. 1, Astroprint, Odessa, Ukraine, 44-48. (in Ukr.)

3. Livitskaya, Z. (2013), "Nash professor-skiy ugolok... ' O professore A.N. Derevitskom", *V poiskakh Yalty. Zapiski muzeyshchika* ["Our professor's corner ..."], About Professor A.N. Derevitsky. In: In search of Yalta. Museum scholar notes.], N. Orianda, Simferopol, Ukraine. (in Russ.)

4. Moskovkin, V. M. and Ganzha, I.S. (2017), "New information about the activities of Aleksey Nikolayevich Derevitsky (1859-1943): Based on the materials of the Yalta family archive" (in Russ.), *Humanities scientific researches*, 2 (66), 13-24.

5. Moskovkin, V. M. and Dmitrieva, E.N. (2017), "About the activities of Aleksey Nikolayevich Derevitsky in Kharkov" (in Russ.), *Research Result. Social Studies and Humanities*, vol. 3, no. 2, 37- 46.

6. Nepomnyashchiy, A. A. (2013), "A.N. Derevitsky: unknown pages of the biography" (in Russ.), *Universitates: nauka i prosvetshenie*, 4 (55), 54-62.

7. Nepomnyashchiy, A. A. (2006), *Podvizhniki krymovedeniya: v 2 t.* [Devotees of Crimean studies: in 2 volumes], Vol. 1, Simferopol, Ukraine. (in Russ.)

8. Nepomnyashchiy, A. A. (1999), "A word about the first dean: A.N. Derevitsky" (in Russ.), *Scientific Notes of V.I. Vernadsky Taurian University*, 12 (51), 1, 100-105.

9. Netushin, I. V. (1908), "Derevitskiy Aleksey Nikolaevich", *Istoriko-filologicheskii fakultet Kharkovskogo universiteta za pervye sto let ego sushchestvovaniya (1805-1905)* [Historical-Philological Faculty of Kharkov University for the first hundred years of its existence (1805-1905)], in Khalanskiy, M. G. and Baguley, D. I. (ed), Kharkov, Ukraine, 212-215. (in Russ.)

10. Filimonov, S. B. (2010), *Iz proshlogo russkoy kultury v Krymu: poiski i nakhodki istorika – istochnikoveda* [From the past of Russian culture in Crimea: searches and discoveries of the historian], N. Orianda, Simferopol, Ukraine. (in Russ.)

ОБ АВТОРЕ:

Московкин Владимир Михайлович, доктор географических наук, профессор кафедры мировой экономики, Институт экономики, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; moskovkin@bsu.edu.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Vladimir M. Moskovkin, Doctor of Geographical Sciences, Professor, Department of Global Economy, Institute of Economics, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; moskovkin@bsu.edu.ru

**MISCELLANEOUS: СООБЩЕНИЯ, ДИСКУССИИ, РЕЦЕНЗИИ
MISCELLANEOUS: MESSAGES, DISCUSSIONS, REVIEWS**

УДК 94

DOI: 10.18413/2408-932X-2018-4-1-35-46

Пенской В. В.

**ОБЩИНА: ТЕОРИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ. РАЗМЫШЛЕНИЯ
НАД КНИГОЙ Л.Б. АЛАЕВА «СЕЛЬСКАЯ ОБЩИНА.
“РОМАН, ВСТАВЛЕННЫЙ В ИСТОРИЮ” ...» (М., 2016)
И ДИСКУССИЕЙ ВОКРУГ НЕЕ
НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «СРЕДНИЕ ВЕКА»**

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Россия; penskoy@bsu.edu.ru

Аннотация. Статья представляет собой отклик на недавно вышедшую монографию видного отечественного индолога Л.Б. Алаева, посвященную проблеме общины в истории и историографии, а также на дискуссию на страницах журнала «Средние века» вокруг выдвинутых исследователем тезисов. Характеризуя монографию и материалы дискуссии, автор рецензии попутно высказывает и свои соображения относительно особенностей процесса складывания общины и ее эволюции применительно к европейскому (и русскому) Средневековью и раннему Новому времени.

Ключевые слова: Древность; Средневековье; Новое время; Европа; Россия; община; общинная теория.

V. V. Penskoy

**COMMUNITY: THEORY AND REALITY.
REFLECTIONS ON THE BOOK BY L. B. ALAEV «RURAL
COMMUNITY. "A NOVEL INSERTED INTO HISTORY" ...»
(M., 2016) AND ON THE DISCUSSION AROUND IT
ON THE PAGES OF “THE MIDDLE AGES” JOURNAL**

Belgorod State National Research University 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia;
penskoy@bsu.edu.ru

Abstract. The article is a review of the recently published monograph by L.B. Alaeu, a prominent Russian indologist, devoted to the problem of the community in history and historiography, as well as discussions around the abstracts put forward by the researcher on the pages of the Journal "Srednie veka" ("The Middle Ages"). Describing the monograph and discussion materials, the author of the review at the same time expresses his views on the peculiarities of the community building process and its evolution in relation to the European (and Russian) Middle Ages and early Modern times.

Keywords: Antiquity; Middle Ages; Modern; Europe; Russia; community; community theory.

Больше полусотни лет назад, в 1962 г., американский физик и философ Т. Кун писал в работе «Структура научных революций», что «усвоение новой теории требует перестройки прежней и переоценки прежних фактов, внутреннего революционного процесса, который <...> никогда не совершается в один день...». Всякие же попытки внедрения новой научной парадигмы, продолжал он, встречают упорное сопротивление, так как «источник сопротивления лежит в убежденности, что старая парадигма в конце концов решит все проблемы, что природу можно втиснуть в те рамки, которые обеспечиваются этой парадигмой...» [10, с. 30]. Именно эти слова как нельзя лучше характеризуют лейтмотив равно как монографии известного российского индолога Л.Б. Алаева, посвященной проблеме сельской общины [1], так и материалов обсуждения этой работы на страницах журнала «Средние века» [12; 14]. Что любопытно – П.Ю. Уваров, касаясь на страницах «Средних веков» проблемы, поднятой Л.Б. Алаевым, отмечал, что в процессе обсуждения его работы «защитников критикующей *общинной теории* (здесь и далее курсив П.Ю. Уварова. – В.П.) не нашлось», поскольку сегодня никто из солидных историков не руководствуется ею как «универсальной отмычкой» для понимания исторического процесса. Однако сама по себе подвергнутая жесткой критике Л.Б. Алаевым общинная теория никуда не делась, продолжал П.Ю. Уваров, поскольку «слишком многое на ней держалось и в научном, и в околонучном знании». Более того, если среди профессионалов пресловутая «общинная теория» стала своего рода фигурой умолчания (так, к примеру, в современной отечественной историографии нет новых специальных исследований, написанных в нетрадиционном ключе, посвященных генезису и особенностям развития общины в средневековой России и России Нового времени, в лучшем случае «общинная» тематика вкраплена в другие исследования), то «в большинстве наших университетов

студенты в рефератах и докладах демонстрируют приверженность *общинной теории* по той простой причине, что компилируют свои тексты при помощи Интернета, а на ресурсах, представленных в первых ссылках, эта теория и не думала уходить в прошлое» [16, с. 42-43].

«Мертвый тянет живого» – в иных выражениях эту ситуацию (которая подтверждается нашим личным опытом) и не опишешь. В самом деле, сама по себе пресловутая «общинная теория» давно уже стала историографическим казусом. Однако в силу того, что в общедоступной серьезной научной литературе (в особенности в учебной) у нее нет достойного «преемника» (или «преемников»), она продолжает воспроизводиться естественным, описанным выше путем и вербовать новых сторонников и адептов (в особенности среди тех, кто недостаточно осведомлен в последних исследовательских тенденциях в этом, да и не только в этом, направлении). Действительно, принцип экономии мышления предполагает стремление к поиску пресловутой «универсальной отмычки», а общинная теория внешне как раз и представляется достаточно непротиворечивой, простой и, что самое главное, как будто позволяет объяснить суть политических, правовых и социально-экономических процессов и в древности, и в античности, и в Средневековье, и даже в Новом времени (а то и позднее). А если к этому добавить еще и давление авторитетов? И тут уже неважно, есть ли в источниках упоминания об общине или же их там нет – в конце концов, А.Я. Гуревич отмечал в одной из своих статей, что «источники сообщают историку только те сведения, о которых он эти источники вопрошает». И когда историк подступает к источнику, вооруженный «универсальной отмычкой», он без особого труда найдет в нем ответы на интересующие его вопросы, особенно если речь идет об интерпретации древнего текста. Кстати сказать, здесь присутствует и еще одна хроническая «болезнь» отечественной историографии,

на которую указывал всё тот же А.Я. Гуревич – по устоявшейся традиции «далее внешней критики источников дело не идет; если источник не фальсифицирован и в хорошей сохранности, им можно спокойно пользоваться, *выбирая из него нужные отрывки* (курсив мой. – В.П.)». «Вопросы же об общем историческом контексте, – продолжал далее свою мысль историк, – в котором источник появился, о выражении в данном памятнике присущего автору и его времени менталитета обычно перед исследователями не возникают» [7, с. 434, 436]. В результате источник трактуется через призму господствующей на данный момент парадигмы и выдает тот результат, которого от него и ожидает «запрограммированный» изначально (еще со студенческой скамьи) исследователь. В нашем случае это община. Любопытное замечание сделал по итогам дискуссии вокруг исследования Л.Б. Алаева П.Ю. Уваров. Отметив, что многие выступавшие в общем и в целом сперва хвалили обсуждаемую работу, затем они «мягко» указывали на то, что «именно в том регионе, которым взявший слово занимается, община все-таки была...» [16, с. 42].

Так была или не была? И вообще, можно ли так ставить вопрос, говоря о сельской общине? И будет ли ответ на него однозначным? Чтобы сформулировать наше видение ответов на эти вопросы, сперва коснемся вкратце основных тезисов Л.Б. Алаева и структуры его работы.

Основные положения своей концепции, которая нашла отражение в «Сельской общине...», Л.Б. Алаев обнародовал в своих 17-ти «Тезисах, выносимых на защиту» [2]. Выделим из них наиболее важные, на наш взгляд, положения. Прежде всего это первый из них, суть которого заключается в том, что институт общины (и подобных ей образований) нужно изучать на основе источников, но не на основе имеющихся теорий. Банальность, скажете вы, но и в случае с общиной, и в целом ряде других аналогичных ситуаций исследование проблемы нередко осуществляется с

опорой на некую заданную теорию, но не на источник, данные которого «подгоняются» под теорию. В каком-то смысле можно говорить об определенном негативном влиянии историографии проблемы, довлеющей над исследователем, особенно молодым (если верить А.А. Зимину, то Ю.Г. Алексеев полагал в свое время, что «Если читать труды других, то не хватит времени писать собственные» [15, с. 119], и в таком подходе есть весьма здоровое зерно).

Другой, не менее, если не более важный, тезис состоит в том, что, по мнению Л.Б. Алаева, «сельская община, известная нам по историческим источникам, – это институт так называемого классового общества, возникающий в соответствии с потребностями этого общества». Развивая этот тезис дальше, исследователь указывал, что в древнейших сообществах (Месопотамия и Древний Египет) образование государства предшествовало появлению общины, которая, возникнув «в условиях “земельного утеснения” и при увеличении гнета со стороны землевладельцев и/или властей», дальше живет в рамках классового общества, не разлагаясь в нем, но сообразуясь с его развитием, приспосабливаясь к изменениям внутри этого общества.

Отметим также и положение о том, что «общинная теория» Г. Маурера, с которой в каком-то смысле и началось триумфальное шествие «общинной теории» в советской историографии (благодаря К. Марксу, который воспринял основные положения концепции Маурера), оказалась ошибочна, равно как и традиционный взгляд на индийскую общину или общину русскую.

Эти тезисы, так уж получилось, были мною прочитаны прежде, чем сама «Сельская община...», и заранее предопределили угол зрения, под которым анализировалась эта работа. (Впрочем, в определенном смысле я уже был внутренне готов именно к такой постановке вопроса относительно сельской, и не только, общины, заинтересовавшись под влиянием А.Я. Гуревича этой проблемой еще в середине нулевых годов.)

Работа Л.Б. Алаева четко делится на три основных блока: условно методологический (первая глава «Вышли мы все из общины?»), частично вторая, «Германская община – мать всех теорий общины. Противоположных» и четвертая, «Индийская община – символ объективной реальности, данной нам в сочинениях»; «европейский» (главы вторая и третья «Русская община как базис мучительных раздумий о судьбах Родины», и отчасти седьмая «Община в разных странах и эпохах»); «азиатский» (главы пятая и шестая, в которых речь идет об индийской общине в разных ее ипостасях и временах, и частично седьмая). Отметим, что в двух последних блоках присутствует и серьезный критический разбор историографии вопроса применительно к конкретному региону.

Содержание этих глав вполне очевидно, исходя из их названий, что избавляет меня от необходимости подробно характеризовать их содержание. Намного больший интерес представляет заключение к работе. Автор отмечает здесь, что в его намерения вовсе не входило выявление некоей закономерности развития общины, поскольку «она не является единым институтом» (выделено Л.Б. Алаевым. – *В.П.*), и ее формы не составляют единую линию». И дальше он отмечает, что «речь пойдет о разных институтах, объединяемых в литературе одинаковым понятием «община» (курсив мой. – *В.П.*) ...». Это замечание представляется мне весьма важным – действительно, есть «община» и есть община, если перефразировать классика, и бедность профессионального словаря историков не позволяет в данном конкретном случае четко разделить институты, относящиеся к разным эпохам, разным культурам, наполненные разным содержанием, особенно если принять во внимание, что «община» («общины») – явление историческое, а значит, развивающееся и изменяющееся во времени. На этот момент и обращает внимание своих читателей автор «Сельской общины...» в заключении, когда вопрошает: «Допустимо ли называть одним словом

(«община») совершенно разные по функциям институты» [1, с. 451]? И для меня ответ на этот вопрос очевиден – нет, недопустимо.

К слову сказать, касаясь изменчивости общины, Л.Б. Алаев выделил ряд важнейших факторов, которые оказывали определяющее воздействие на этот процесс, – хозяйственные (под которыми он понимает характер используемых сельским сообществом технологий); географические (природно-климатические, наличие фонда незанятых земель и ряд других); исторические (особенности формирования и последующего развития данного конкретного общества); экономические (обращая внимание в первую очередь на характеристику товарности хозяйства); социально-экономические (связанные с отношениями внутри самой общины и с ее отношениями с внешним миром в лице государства, собственников земли и пр.); социальные и юридические. Все эти причины, отмечает далее Л.Б. Алаев, «действуют одновременно, в сочетании», почему, по его мнению (и в этом мы с ним согласны), «никогда не удастся <...> выработать единую схему развития общины в классовом обществе» [1, с. 442]. Есть «община» и есть община, повторимся еще раз, и этот институт применительно к разным обществам и эпохам будет серьезно различаться.

Любопытным представляется следующий тезис автора. По его мнению, «одним из факторов, искажавших взгляд исследователя на общину, была нацеленность на поиски эволюции, процесса разложения и т.п.». Такая оценка кажется парадоксальной, поскольку со студенческой скамьи требование рассматривать явление в его развитии является одним из важнейших, которое должен усвоить начинающий историк. Это противоречие Л.Б. Алаев разрешает неожиданным образом; такой подход, указывает он, «один из» (выделено Л.Б. Алаевым. – *В.П.*) подходов, один из углов зрения», тогда как «не меньший потенциал несет и иной взгляд: с точки зрения функционирования существующей структуры»,

поскольку «прежде чем рассуждать об изменениях, о движении куда-то вперед, надо понять, как данная система, со всеми ее противоречиями, *работает* (выделено Л.Б. Алаевым. – *В.П.*) ...» [1, с. 444-445]. Правда, здесь необходимо оговориться, что при таком раскладе исследователь должен сузить поле исторического поиска и хронологически, и территориально, рассмотреть явление под микроскопом, буквально «заморозив» его, остановив его изменения («остановись, мгновенье, ты прекрасно!»). Особенности изучения феномена индийской общины при помощи двух этих подходов и с опорой на источники, а не на историографию проблемы, автор «Сельской общины...» и демонстрирует в пятой (Община в истории Индии. Что знаем?) и шестой («Индийские общины в Новое время. Глазами чужеземцев») главах своего исследования.

Характеризуя «Сельскую общину...» и заложенную в нее авторскую концепцию, я все же не могу не отметить серьезный, на наш взгляд, ее изъян. Есть в концепции некое логическое противоречие. С одной стороны, автор упоминает о классовом сотрудничестве как обычном состоянии общества [1, с. 449], а с другой – подчеркивает особую роль помещика и государства (на примере России) в формировании общины. В изложении Л.Б. Алаева это выглядит как насильственный, вопреки воле крестьян, процесс [см., напр.: 1, с. 74]. Государство и помещик как его уполномоченный «агент» в изложении автора «Сельской общины...» выглядят как некий всемогущий Левиафан, усилием воли творящий нужную им реальность (социальную, экономическую и иную). При этом автор исследования не задается вопросом – а было ли способно государство в XV-XVII вв. на такие действия, обладало ли оно соответствующей «мускулатурой» для того, чтобы быть таким Левиафаном? Между тем не секрет, что в современной историографии давно уже сложился определенный тренд, рассматривающий государства раннего Нового времени (тем более это применимо к более ранним

эпохам) как политические организмы, основанные не только и не столько на насилие, сколько на сотрудничестве власти и общества (точнее, составлявших его отдельных сообществ-корпораций) [см., напр.: 20]. Это противоречие автор исследования никак не разрешает и, похоже, не замечает, будучи не в курсе существования такого направления в историографии).

Подведем предварительный итог. Главную идею исследования, проделанного Л.Б. Алаевым, выразил в следующих словах уже неоднократно цитировавшийся нами П.Ю. Уваров. «Сельская община...» – книга не о том, что общины не было, и не о том, что такое община (впрочем, отметим от себя, что Л.Б. Алаев формулирует свое видение признаков сельской общины [1, с. 17-19] – *В.П.*), и не только (и не столько) об историографии вопроса. Нет, продолжает свою мысль исследователь, «автор написал (и блестяще написал!) о другом: на каких основаниях возникла *общинная теория*, как одно утверждение автоматически вело за собой другое, как в результате сформировалась и укрепилась *самодостаточная теория, претендующая на универсальность* (курсив мой. – *В.П.*), не только блокирующая историческую интуицию исследователя-эмпирика, но и заставляющая его, невзирая на факты, видеть в обществе прошлого именно то, что и предписывала эта теория...» [16, с. 42]. Само собой, феномен общины (во всех ее ипостасях, временных и пространственных, не говоря уже о прочих), не может быть детально рассмотрен и проанализирован в одной-единственной книге. Однако можно рассчитывать, что появление книги Л.Б. Алаева станет своего рода стимулом к возвращению общинной тематики в исследования отечественных историков, правоведов, культурологов и других гуманитариев, особенно если принять во внимание ту роль, которую сыграла община в русской истории и какая приписывалась и приписывается ей в российской интеллектуальной и политической среде (об этом также пишет в своей работе Л.Б. Алаев).

Здесь как раз стоит вернуться к материалам дискуссии вокруг «Сельской общины...» на страницах журнала «Средние века», о которой мы упоминали в начале этой статьи. Материалы эти весьма любопытны, поскольку демонстрируют широкий диапазон мнений и точек зрения вокруг проблемы общины, а вместе с тем и ее сложности, с которыми сталкиваются исследователи, которые работают (или пробуют работать) над этим вопросом. Так, к примеру, реплика М.В. Винокуровой с характеристикой социально-экономического строя раннесредневековой Англии – тот самый случай, о котором говорил П.Ю. Уваров, когда писал о казусах и регионах, когда община все-таки была [см. 5]. Не оспаривая факты, приводимые автором реплики, отмечу всё же, что они, на наш взгляд, в целом не противоречат концепции Л.Б. Алаева, поскольку история общины в Англии – что римского, что англосаксонского времен – это всё-таки процесс, и формы социальной и экономической организации кельтского и англосаксонского обществ на разных его этапах существенно различались. И если вести речь, к примеру, о кельтском обществе I в. до н. э., то так ли уж сильно отличались свойственные ему институты и отношения от тех, что были характерны, положим, для Рима эпохи царей или ранней республики, или, например, для греков эпохи архаики? Если же вести речь об англосаксонском периоде, особенно о его ранних этапах, то напрашивается вывод: раннесредневековая англосаксонская община вовсе не идентична «классической» общине времен того же Высокого Средневековья (не говоря уже о более поздних временах). Она представляет собой в первую очередь форму социальной (и политической, насколько применимо это понятие к тем временам) *территориальной самоорганизации* свободного сельского населения. В ее задачу входило прежде всего внутреннее, определяемое взаимоотношениями между отдельными домохозяйствами, обустройство сельского «мира» через улаживание на основе обычного права внутренних

конфликтов, исполнение общественно значимых функций, ритуалов (тех же самых пиров-братчин) и обязанностей, организация совместной защиты и т.п. Всё остальное появляется позднее (и М.В. Винокурова об этом пишет). Но можно ли в таком случае ставить знак равенства между этой общиной и общиной более поздних времен? На наш взгляд, безусловно, нет.

На моменты, связанные с регулированием в первую очередь общественных, социальных отношений между членами «территориальной общины» (термин, который применил П.Ю. Уваров [16, с. 49]) обращает внимание в своей реплике И.С. Филиппов, перу которого принадлежит ряд публикаций о средневековых общинах [см., напр.: 18]. Он отмечал, в частности, что «у членов общины было много общих дел помимо поземельных: поддержание элементарного правопорядка, санитарных норм, защита от врагов и хищных зверей, отношения с властями, отправление культа и т.д.» [см. 17]. При этом он подчеркивал, что с точки зрения современной науки, община представляется сложным институтом, суть которого не сводится только к регулированию поземельных отношений [17, с. 27], и «классическая» община применительно к Европе – продукт зрелого Средневековья, но никак не раннего (что обусловлено существенными различиями в условиях, в которых развивалось сельское общество и хозяйство раннего и зрелого Средневековья).

Любопытной представляется и реплика А.С. Щавелева [см. 19], который сравнивает мнения А.Я. Гуревича и Я.Д. Серовайского, имеющие прямое отношение к проблеме общины у германцев. На позиции А.Я. Гуревича стоит, на наш взгляд, остановиться подробнее, ибо Л.Б. Алаев прямо называет его одним из своих предшественников [1, с. 10], равно как и на мнении Я.Д. Серовайского.

А.Я. Гуревич еще в 1985 г. поставил под сомнение письменные свидетельства римских авторов, в первую очередь Цезаря и Тацита, характеризующие общественный строй и экономику германцев (которые

долгое время истолковывались как свидетельствующие в пользу изначального существования общины у германцев), поставив на первое по значимости место памятники археологические. По мнению Гуревича, «ключевые цитаты из “Германии” и “Записок о Галльской войне”, касающиеся аграрного строя германцев, – они представляются продуктами риторики или политической спекуляции в большей мере, нежели отражением действительного положения дел» [6, с. 29]. Основываясь на привлечении широкого круга источников (не только и даже не столько археологических – они выступают как дополнительное подтверждение аргументов, заимствованных из германской мифологии, лингвистики и других областей гуманитарного знания), А.Я. Гуревич в конечном итоге приходит к выводу, что непосредственной преемственности между германской «общиной» эпохи поздней Античности с ее «аграрным индивидуализмом» и «общиной» эпохи раннего Средневековья нет непосредственной преемственности (впрочем, это утверждение, на наш взгляд, достаточно спорно. – *В.П.*). Раннесредневековая община, какой ее рисует та же «Салическая правда», по А.Я. Гуревичу, «не коллектив больших семей или бывших сородичей, обладавших верховенством над обрабатываемыми ими пахотными землями, а скорее объединение соседей, которые раздельно владели своими наделами, но были заинтересованы в регулировании пользования угодьями». Эта «община», по А.Я. Гуревичу, «представляла собой пока еще рыхлую и слабо оформленную организацию, если сравнивать ее с общиной классического и позднего средневековья» [6, с. 61].

В концепции аграрного и связанного с ним общественного строя варваров-германцев, последовательно развиваемой А.Я. Гуревичем, обращает на себя внимание тот факт, подчеркнем это еще раз, что историк вовсе не отвергает с ходу данные письменных источников. Напротив, он активно их использует – даже тех же Цезаря и Тацита,

но использует в комплексе, сочетая и поверяя их сведения материалами, которые дают археология, лингвистика, изучение мифологии и фольклора. Поэтому, когда Я.Д. Серовайский пишет о том, что по мнению А.Я. Гуревича, «единственной надежной основой для изучения аграрных отношений германцев отныне могут быть лишь только данные археологии» [13, с. 7], он, (и вслед за ним А.С. Щавелев) несколько упрощает ситуацию. Но, на наш взгляд, в позиции Я.Д. Серовайского интереснее моменты, которые сближают его мнение с концепцией А.Я. Гуревича. Первый момент связан с замечанием относительно того, что борьба противников и сторонников «общинной теории» применительно к древним германцам (добавим от себя, и к поселянам раннего Средневековья как минимум) вращается вокруг «контroversы: коллективная – частная собственность» [13, с. 8], тогда как сам по себе вопрос о том, чем являлась «собственность» с точки зрения варвара-германца времен поздней Античности и раннего Средневековья, какой смысл вкладывался в это понятие, сам по себе является дискуссионным (и явно германец под «собственностью» понимал не то, что понимаем мы сегодня).

Я.Д. Серовайский развивает эту мысль дальше: «Археологические материалы и логика исследования должны были привести их (дискутирующих. – *В.П.*) к более широкой постановке вопроса: каково было отношение германского общества к окружающему ландшафту, в пределах которого производились заимки?». Поставив перед собой этот вопрос, историк сформулировал на него и ответ: «Элементы первозданной природы, где протекала жизнь германцев, не рассматривались ими в качестве самостоятельной ценности и считались ничейным пространством, на которое все имели неограниченные права» [13, с. 8]. Но, согласитесь, при таком отношении к окружающему миру рано или поздно неизбежно возникновение конфликтов между землепользователями и, следовательно, формирова-

ние определенных институтов, которые регулировали бы земельные споры – вот и более чем веский повод, причина, чтобы отдельные «хутора» образовывали некие сообщества-«общины», в рамках которых и разрешались бы такого рода споры! И эти сообщества – вовсе не крестьянские «общины» эпохи зрелого и тем более позднего Средневековья и Нового времени, существовавшие в жестких условиях аграрного перенаселения и давления со стороны властей и крупных земельных собственников.

Другой момент – это подчеркивание «трудового обоснования» права пользования землей и тем, что она производит. «Сама земля (“земля-материя”, по выражению Маркса) не представляла ценности для возделывателей (пока ее, этой земли, было много. – В.П.). Такое качество она приобретала лишь после приложения к ней труда, – отмечал исследователь, – в результате которого ее можно было использовать как пашню (осушение болота, расчистка, очистка от камней и т.п.), и сохраняла до тех пор, пока эти трудовые затраты были действительны» [13, с. 9]. Граница такого обработанного, окультуренного участка, как бы она не была выражена (ограда, забор, плетень и пр.) выступала зримым знаком принадлежности конкретного участка конкретному хозяину. Здесь напрашивается любопытная параллель с обычным правом русских крестьян конца XIX в., в котором право «собственности» возникало только тогда и только там, где «собственник» вложил или затратил определенные труд или усилия – в противном случае объект полагался ничейным, а значит, любой мог претендовать на него, равно как воровство с огражденного участка считалось преступлением, а с неогражденного – нет [3, с. 191-195].

Возвращаясь к замечаниям А.С. Щавелева, отметим, что, на наш взгляд, противопоставлять мнения А.Я. Гуревича и Я.Д. Серовайского всё же несколько некорректно. Они представляют два разных подхода к проблеме, предпринятые с разных

сторон, и оба подхода имеют точки соприкосновения (хотя с рядом положений Я.Д. Серовайского я все же не согласен – так, например, с его утверждением о «сотне» как структурном элементе родоплеменной организации, равно как и с тем, что «концепция Цезаря о германцах и, в частности, их аграрном строе выдержала испытание истории» [13, с. 30]). И конечно же, я не могу не обратить внимание читателей на конечный тезис реплики А.С. Щавелева, в котором формы землепользования и, соответственно, социальной организации увязываются в первую очередь с природно-климатическими условиями, экологией и агрокультурными задачами [19, с. 36].

Своеобразным, и в определенных моментах не менее ценным, чем сама работа Л.Б. Алаева и отклики на нее, «приложением» к дискуссии стали две статьи – П.Ю. Уварова «Общины, общности и медиевисты» и Ю.Я. Вина «Средневековая сельская община как объект концептуального изучения» [4; 16]. Первая (уже упомянутая выше) вносит в дискуссию вокруг работы Л.Б. Алаева определенный теоретический момент. Причину живучести «общинной теории» П.Ю. Уваров видит в том, что она представляет собой парадигму, то есть систему «научных установок, представлений и терминов», которая объединяла «большинство членов научного сообщества» и при этом была целостной и всё объясняющей (невольно вспоминается «единственно верное учение») [16, с. 44]. Попытки же обрушить ее, не предложив взамен столь же всеобъемлющей и всё объясняющей парадигмы потому и не имели успеха, что новая парадигма взамен старой так и не была создана. Можно ли создать новую парадигму – П.Ю. Уваров вслед за Л.Б. Алаевым сомневается в этом. Однако без некоего концептуального обобщения, на наш взгляд, всё равно не обойтись, и если вести речь о средневековой Европе, то, совершенно справедливо полагает П.Ю. Уваров, «разговора о средневековом “коммунитаризме” не избежать» [16, с. 45], благо средневековая сельская община в разных ее формах в

Европе была составной частью коммунального движения. «Община, – ссылаясь на мнение немецкого историка П. Бликле, продолжает П.Ю. Уваров, – основанная на взаимной присяге (*conjuratio*), предусматривала взаимопомощь, улаживание внутренних конфликтов, ритуальное соотрапезничество (и как тут не вспомнить русские братчины, регулярно встречающиеся на страницах актов конца XV–XVI вв. – В.П.) и хранение памяти об умерших членах» [16, с. 48].

Такая община возникает как ответ на давление со стороны сеньоров (П. Бликле) и как попытка заполнить возникший после распада каролингского «мира» вакуум власти (К. Уикхем), постепенно формализуясь и обретая легитимность в ходе этого коммунального движения. Не менее любопытным представляется и мнение французского историка Ж. Морсея, который увязывал формирование сельской общины с процессами *encellument* («объяснение»), охватившим немалую часть Западной Европы на исходе раннего Средневековья. Главным результатом этого процесса, отмечает П.Ю. Уваров со ссылкой на мнение Ж. Морсея, «стала более прочная фиксация населения и, как результат, усиление сеньориального контроля», причем для этой фиксации важным было не только и не столько насилие со стороны сеньора, «сколько предоставление хартий свобод и привилегий (франшиз) данной территории, обеспечение наследственных прав на землепользование и укрепление сакрального значения данного места за счет церкви и кладбища» [16, с. 49]. При этом «объяснение» вовсе не исключало сохранение существования «хуторов» и деревень-малодворок, поскольку «важна не скученность жилищ, но поляризация пространства вокруг церквей, кладбищ и замков», а община «определяется совместным использованием конкретного пространства, имеющего хозяйственную ценность» [16, с. 50]. В результате, полагал Ж. Морсель, возникает так называемая *communauté d'habitants* –

П.Ю. Уваров предложил перевести этот термин как «территориальная община».

Принимая термин, отметим, что, на наш взгляд, если вести речь именно об объединениях сельских жителей подобного рода, объединенных общими целями и задачами, то «территориальная община» возникает задолго до «объяснения». Другое дело, что в ходе *encellument* она обретает новые черты и новые функции. И это немудрено – в ее жизнь все более и более властно вмешиваются, с одной стороны, «сеньор» (светский или духовный), а с другой стороны – государство. Кроме того, на трансформацию «территориальной общины» оказывают воздействие и иные социально-экономические и культурно-религиозные процессы. В итоге, отмечает П.Ю. Уваров, «между началом XI и началом XIII в. Запад предстает в обновленном виде». К исходу этого периода «характерным становится фиксация жителей в системе территориальных общин и локальная укорененность аристократии (своего рода седентеризация и «благородных», и «подлых». – В.П.), чья политика и организация связей родства подчинена сохранению сеньориальной власти над данной территорией»

[16, с. 54]. В целом же, по нашему мнению, и «объяснение», и трансформация «рыхлой» «территориальной общины» раннего Средневековья, и ряд других процессов, связанных с внутренней трансформацией раннесредневекового общества – все они так или иначе связаны с выстраиванием новой, более жесткой и формализованной системы взаимосвязей внутри этого общества, его упорядочиванием, выстраиванием новых механизмов управления им и на высшем, и на низшем уровнях, в горизонтальной и вертикальной плоскостях.

Эти положения концепции Ж. Морсея, с которыми солидаризируется П.Ю. Уваров, весьма любопытно было бы приложить к русской действительности постмонгольского периода. Данные археологии [см., напр.: 11], писцовые книги, актовые материалы, наблюдения отдельных

историков [см., напр.: 8; 9] позволяют провести определенные аналогии с целым рядом положений этой концепции и поставить вопрос о ее применимости в русских условиях – разумеется, с поправкой на своеобразие социально-экономического и политического развития Русской земли в Средневековье и раннем Новом времени как «открытого» региона (В. Либерман).

И в завершение – несколько слов о материале Ю.Я. Вина, который выполнен в сравнительно-историографическом ключе. В своей работе исследователь дает обзор различных точек зрения относительно общины, ее определения, ее институциональных черт и свойств, а также основных направлений в изучении общины как исторического феномена в отечественной и в зарубежной историографии. Характеризуя нынешнее состояние «общиноведческих» штудий, Ю.Я. Вин отмечает, что «на нынешнем этапе развития исторической науки даже сугубо эмпирический подход к изучению сельской общины создает неизвестные прежде предпосылки для уяснения особенностей конкретных ее (общины. – В.П.) форм и разновидностей». При этом, продолжает свою мысль историк, исследования развиваются в двух основных направлениях – «с одной стороны, немало усилий приложено с целью установить ход эволюции общинного института и типологические признаки средневековой общины, с другой – определяется специфика отдельных ее региональных разновидностей» [4, с. 70-71].

Такой подход, в оценке ученого, безусловно, весьма плодотворен, но явно недостаточен, ибо как нетрудно заметить, накопление количественных знаний не переходит в рождение нового качества. Выход из этого тупика Ю.Я. Вин видит в развитии междисциплинарных исследований – «именно междисциплинарный и концептуальный подходы позволяют раскрывать своеобразие самых различных аспектов средневековой общины, конкретизировать формы ее развития в полном сопряжении со всем ходом общественно-исторического

процесса и всеобъемлющим спектром социальных отношений» [4, с. 71].

Подводя общий итог, отмечу, что выход в свет исследования Л.Б. Алаева и обсуждение выдвинутых историком тезисов на страницах «Средних веков», с одной стороны, подводят определенный итог предыдущей работы историков разных поколений и школ по исследованию общины как исторического феномена, а с другой стороны, намечают новые подходы и направления в этом поиске. Община (сельская в том числе, как частный случай этого исторического явления) представляется существенно более сложным феноменом, чем можно было представить, исходя из пресловутой «*общинной теории*». Была ли община – ответ на этот вопрос будет, конечно же, положительным. Да, была, но «община» общине рознь, и что из себя она представляла в конкретное время и конкретном регионе – это совершенно другой вопрос, требующий дополнительных *междисциплинарных* исследований и проработки с опорой в первую очередь на источники (на весь комплекс источников, включая сюда не только тексты), а не на заранее заданные в рамках совершенно устаревшей традиционной «общинной» парадигмы, и это главный вывод как монографии, так и дискуссии.

Остается надеяться, что изыскания в этой сфере будут продолжены с учетом высказанных мнений. В особенности это относится к общине русской, поскольку, как совершенно справедливо было замечено П.Ю. Уваровым, традиционные и во многом ошибочные взгляды на русскую общину, выведенные из «классической» «*общинной теории*», как на некое проявление исконной русскости, продолжают господствовать (и воспроизводиться) в общественном сознании. История русской общины еще ждет своего исследователя.

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для декларации.

Conflict of Interests: author has no conflict of interests to declare.

Литература

1. Алаев, Л.Б. Сельская община. «Роман, вставленный в историю». Критический анализ теорий общины, исторических свидетельств ее развития и роли в стратифицированном обществе. М.: ЛЕНАНД, 2016. 480 с.
2. Алаев, Л.Б. «Тезисы, выносимые на защиту» // *Средние века*. М.: Наука, 2017. Вып. 78 (3). С. 15-17.
3. Безгин, В.Б. Мужичья правда. Обычное право и суд русских крестьян. М.: Common place, 2017. 334 с.
4. Вин, Ю.Я. Средневековая сельская община как объект концептуального изучения // *Средние века*. М.: Наука, 2017. Вып. 78 (3). С. 63-76.
5. Винокурова, М.В. Община: взгляд из Англии // *Средние века*. М.: Наука, 2017. Вып. 78 (3). С. 18-21.
6. Гуревич, А.Я. Аграрный строй варваров // Гуревич А.Я. *Избранные труды. Древние германцы. Викинги*. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2007. С. 25-78.
7. Гуревич, А.Я. О кризисе современной исторической науки // Гуревич, А.Я. *История – нескончаемый спор*. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2005. С. 427-455.
8. Дегтярев, А.Я. Русская деревня в XV–XVII веках. Очерки истории сельского расселения. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1980. 175 с.
9. Кивельсон, В. Картография царства: земля и ее значение в России XVII века. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 360 с.
10. Кун, Т. Структура научных революций. М.: АСТ, 2002. 608 с.
11. Макаров, Н.А. Русь в XIII веке: характер культурных изменений // *Русь в XII веке. Древности темного времени*. М.: Наука, 2003. С. 5-11.
12. Приглашение к дискуссии: общности и функции // *Средние века*. М.: Наука, 2017. Вып. 78 (3). С. 41-93.
13. Серовайский, Я.Д. Сообщение Цезаря об аграрном строе германцев в соотношении с данными новейших археологических исследований // *Средние века*. М.: Наука, 1997. Вып. 60. С. 5-36.
14. Споры об общине // *Средние века*. М.: Наука, 2017. Вып. 78 (3). С. 14-40.

15. Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века / Сост. А.Л. Хорошкевич. М.: Аквариус, 2015. 440 с.

16. Уваров, П.Ю. Общины, общности и медиевисты // *Средние века*. М.: Наука, 2017. Вып. 78 (3). С. 41-62.

17. Филиппов, И.С. О пользе споров с призраками: отжившие представления об общине, которые все еще живы // *Средние века*. М.: Наука, 2017. Вып. 78 (3). С. 25-30.

18. Филиппов, И.С. Община // Филиппов И.С. *Средиземноморская Франция в раннее Средневековье. Проблема становления феодализма*. М.: Изд-во Скрипторий, 2000. С. 406-417.

19. Щавелев, А.С. «Кельтские поля» и германские общины: реплика к одной сноске из книги Л.Б. Алаева «Сельская община...» // *Средние века*. М.: Наука, 2017. Вып. 78 (3). С. 31-37.

20. Kollmann, N.S. *Crime and Punishment in Early Modern Russia*. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 504 p.

References

1. Alaev, L. B. (2016), *Selskaya obshchina. "Roman, vstavlenniy v istoriyu"*. *Kriticheskiy analiz teorii obschiny, istoricheskikh svidetelstv ee razvitiya I roli v stratificirovannom obschestve* [Rural community. "A novel inserted into history." Critical analysis of community theories, historical evidence of its development and the role in stratified society], LENAND, Moscow, Russia. (in Russ.)
2. Alaev, L. B. (2017), "Theses submitted for defence" (in Russ.), *Srednie Veka*, 78 (3), 15-17.
3. Bezgin, V. B. (2017), *Muzhitskaya pravda. Obychnoe pravo i sud russkikh krest'yan* [Peasant truth. The customary law and court of Russian peasants] *Common place*, Moscow, Russia. (in Russ.)
4. Win, Yu. Ya. (2017), "Medieval rural society as an object of concept study" (in Russ.), *Srednie Veka*, 78 (3), 63-76.
5. Vinokurova, M. V. (2017), "Community: a view from England" (in Russ.), *Srednie Veka*, 78 (3), 18-21.
6. Gurevich, A. Ya. (2007), "Agrarian structure of the barbarians", *Izbrannye trudy*.

Drevnie germantsy. Vikingi [Selected works. The ancient Germans. Vikings], Publishing house of St. Petersburg University, St. Petersburg, Russia, 25-78. (in Russ.)

7. Gurevich, A. Ya. (2005), "On the crisis of modern historical science", *Istoriya – neskonchaya spor* [History is a never-ending dispute], Publishing house of the Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, 427-455. (in Russ.)

8. Degtyarev, A. Ya. (1980), *Russkaya derevnya v XV – XVII vekah. Ocherki sel'skogo rasseleniya* [Russian village in the XV-XVII centuries. Essays on the history of rural settlement], Publishing House of Leningrad University, Leningrad, USSR. (in Russ.)

9. Kivelson, V. (2012), *Kartografiya Tsarstva: zemlya i ee znachenie v Rossii XVII veka* [Cartography of the Kingdom: the land and its value in Russia of the XVII century], *Novoe literaturnoe obozrenie*, Moscow, Russia. (in Russ.)

10. Kuhn, T. (2002), *Struktura nauchnykh revolyutsij* [The Structure of scientific revolutions], AST, Moscow, Russia. (in Russ.)

11. Makarov, N. A. (2003), "Rus' v XIII veke: kharakter kulturnykh izmeneny" (in Russ.), *Rus' v XII veke. Drevnosti temnogo vremeni* [Russia in the XIII century. Antiquities of the dark time], Nauka, Moscow, Russia, 5-11.

12. "Invitation to discussion: generality and function" (in Russ.), (2017), *Srednie Veka*, 78 (3). 41-93.

13. Serovaiskiy, J. D. (1997), "A Message to Caesar about the agrarian system of the Germans in relation to the data of the latest archaeological research" (in Russ.), *Srednie Veka*, 60, 5-36.

14. "Disputes about the community" (2017), (in Russ.), *Srednie Veka*, 78 (3), 14-40.

15. Horoshkevich, A. L. (comp.) (2015), *Sud'by tvorcheskogo naslediya otechestvennykh*

istorikov vtoroy poloviny XX veka [The fate of the creative heritage of Russian historians of the second half of the twentieth century] Aquarius, Moscow, Russia. (in Russ.)

16. Uvarov, P. Ya. (2017), "Congregations, communities, and medievalists" (in Russ.), *Srednie Veka*, 78 (3), 41-62.

17. Filippov, I. S. (2017), "On the benefits of disputes with ghosts: outdated ideas about the community that are still alive" (in Russ.), *Srednie Veka*, 78 (3), 25-30.

18. Filippov, I. S. (2000), "Community", *Sredizemnomorskaya Frantsiya v rannee Srednevekov'e. Problema stanovleniya feodalizma* [Mediterranean France in the early middle Ages. The problem of formation of feudalism], Publishing House Scriptorium, Moscow, Russia, 406-417. (in Russ.)

19. Schavelev, A. S. (2017), "Celtic fields" and the German community: remark to the same footnote from the book by L. B. Alayev "Rural Community..." (in Russ.), *Srednie Veka*, 78 (3), 31-37.

20. Kollmann, N. S. (2012), *Crime and Punishment in Early Modern Russia*. Cambridge University Press, Cambridge, UK.

ОБ АВТОРЕ:

Пенской Виталий Викторович, доктор исторических наук, профессор, кафедра теории и истории государства и права, Юридический институт, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Россия; penskoj@bsu.edu.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Vitaliy V. Penskoj, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Theory and History of State and Law, Law Institute, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; penskoj@bsu.edu.ru

УДК 141.7

DOI: 10.18413/2408-932X-2018-4-1-47-51

Бейлин М. В.

ТЕХНОИНТЕЛЛЕКТ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ БУДУЩЕГО¹

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; *mysh_07@mail.ru*

Аннотация. В статье рассмотрены ключевые факторы, приведшие к изменению культуры потребления объемных информационных продуктов. Одним из этих факторов является виртуальная реальность, возникшая и расширяемая благодаря развитию и объединению коммуникационных и компьютерных технологий. Предложена трактовка понятия «технологический интеллект» как свойства технической системы, обладающей способностью к обучению и признаками субъектности. На основе анализа высказываний андроида Софии показано, что в настоящее время существует как минимум одна техническая система, демонстрирующая наличие таких свойств. Высказано предположение, что коммуникация между системами, подобными андроиду Софии, способна создать новые артефакты культуры. И сам факт их возникновения, и необходимость взаимодействовать с ними окажет влияние на ту антропогенную культуру, субъектом и продуктом которой является современное общество.

Ключевые слова: объемный информационный продукт; кликовое мышление; потребление информации; средства коммуникации; виртуальная реальность; техноинтеллект; искусственный интеллект; признаки субъектности.

M. V. Beilin

TECHNOLOGICAL INTELLIGENCE AS A FACTOR FOR FUTURE CULTURE DEVELOPMENT

Belgorod National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; *mysh_07@mail.ru*

Abstract. The article considers the key factors that have changed the culture of consumption of large information products. One of these factors is the virtual reality, originated and expanding due to the development and integration of communication and computer technologies. The interpretation of the term “technological intellect” as a property of a technical system that has the ability to learn and the subjectivity attributes is offered. Based on the analysis of Sofia android statements it is shown that at present there is at least one technical system demonstrating the presence of such properties. The author suggests that communication between the systems like Sofia android is capable to create the new culture artefacts. Both the

¹ Статья написана на основе текста выступления автора на дискуссионном круглом столе «Проблемы искусственного интеллекта и будущее человечества» 28.11.2018 г. в рамках ежегодных «Иоасафовских чтений – 2017» (г. Белгород).

very fact of their appearance, and the need to interact with them can influence the anthropogenic culture, the subject and product of which is modern society.

Key words: large information product; click thinking; information consumption; means of communication; virtual reality; techno-intellect; artificial intelligence; subjectivity attributes.

В 1989 году академиком В.С. Стёпным было предложено обоснование различия классической, неклассической и постнеклассической рациональности, приведшее, в частности, и к разделению науки на классическую, неклассическую и постнеклассическую [2]. В центре внимания последней находятся сложные саморазвивающиеся системы, в том числе включающие в себя человека, который рассматривается как часть находящегося в развитии сложного комплекса, образованного человеком и технико-технологической системой вместе с окружающей и культурной средой, которая, с одной стороны, выступает одним из факторов создания новых технологий, а с другой – видоизменяется сама в результате контакта с ними.

Уже можно констатировать серьезные сдвиги культурного, коммуникативного и когнитивного характера, происшедшие и продолжающие происходить с человеком и обществом в последние десятилетия. Первопричиной этих сдвигов стали два фактора: микроминиатюризация, которая к началу третьего тысячелетия позволила создать массовые персональные устройства и ёмкие накопители информации, и развитие коммуникационных технологий, позволившее массовому пользователю подключаться к компьютерным сетям. В результате существенно изменились и система ценностей, и культура общения, и культура потребления информации. Заметим, что эти перемены произошли не вследствие появления революционно новых технологий, а вследствие всего лишь эволюционного развития технологий, концептуально проработанных полвека назад.

Тем не менее, появление персональных компьютеров, сети Интернет и мобильных устройств стало фактором, произведшим в

культуре человечества перемены, сопоставимые по масштабам и глубине с переменами, наступающими в результате социальных революций. Подключенные к Интернету смартфон или компьютер не просто заменили два с половиной десятка устройств и изменили форматы общения – они создали виртуальную реальность, но при этом куда более реальную, чем та, которую можно увидеть в художественных фильмах, поскольку она сплавлена с основной реальностью. Теория сенсорного баланса, автором которой является Герберт Маршалл Маклюэн, утверждает, что существует прямая зависимость между ведущим средством коммуникации и той моделью развития, которую оно задает и накладывает на психику человека. Изменение средств массовой коммуникации обуславливает существенные трансформации в структуре общества, а коммуникативная модель детерминирует не только его сенсорную, но и социальную организацию. Маклюэн отмечает, что средства коммуникации являются источником изменений физиологического характера, влияя на взаимодействие полушарий и отдельных зон головного мозга [1, с. 184]. Мы имеем возможность убедиться в правомочности постулатов теории сенсорного баланса, видя, что не только подростки, но и уже начавшие самостоятельную жизнь молодые люди критическим образом зависимы от гаджетов и создаваемой ими виртуальной среды. Вовлеченность человека в виртуальную реальность не проходит с возрастом, как проблемы пубертатного периода; она свидетельствует о том, что новые средства коммуникации изменили не только форматы общения, но и способ потребления информации. Более того, изменились и само отношение к информации, и способность ее усваивать. Если тридцать лет назад

качественно поданная информация (художественная книга, учебник, справочник, фильм, аудиозапись) высоко ценилась и была широко востребована (хорошая книга часто переходила из рук в руки), то сейчас мы видим информационный вал, который порождает совершенно иное отношение к информации: информация легкодоступна, но при этом часто серьезная и объемная информация не лежит на поверхности, а погребена под слоем информационного мусора. Более того, неспособность к длительной концентрации внимания на объекте, получившая название феномена «клипового», а теперь уже и «кликерного» мышления (сознания), также снижает как потребность в объемных информационных продуктах, требующих длительной концентрации внимания, так и, как следствие, способность к усвоению нового знания. Новые технические средства коммуникации стали причиной жесточайшего кризиса культуры чтения и общения. Очевидно, не будет преувеличением сказать, что эпистолярный жанр канул в Лету.

Новым, возможно, более серьезным вызовом для человеческого общества становится появление и становление техноинтеллекта как нового фактора нашей реальности. Само это понятие в настоящее время не имеет единого толкования. Например, Г.П. Юрьев, главный научный сотрудник сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики Института философии РАН, выделяет технологический интеллект наряду с социальным и эмоциональным и определяет его как способность реализовать себя по формуле: знаю – понимаю – умею – делаю – получаю на выходе конкретный продукт [3]. Такой смысл вкладывает в это понятие специалист-гуманитарий, являющийся доктором медицинских и кандидатом психологических наук.

Иное, техническое применение понятия «технологический интеллект» мы видим в ситуациях, когда алгоритмическое обеспечение сложных автоматизированных устройств, например, промышленного оборудования, позволяет выполнять оптимизацию работы оборудования по заранее заложенному в программное обеспечение этого оборудования алгоритму. В данном контексте понятие «технологический интеллект» до относительно недавних пор было близко понятию «искусственный интеллект», успешные работы по созданию которого длительное время как раз и сводились на практике к разработке программных алгоритмов, позволяющих обеспечить устойчивое и оптимизированное функционирование автоматизированной системы в широком диапазоне изменений входных воздействий и условий окружающей среды. При этом понятие «искусственный интеллект» применялось к сложным, но не обладающим какой-либо субъектностью системам.

Директор по инженерным вопросам корпорации Google Рэймонд Курцвейл, известный высокой сбываемостью своих прогнозов, в одном из них заявил, что искусственный интеллект пройдет тест Тьюринга и достигнет человеческого уровня интеллекта в 2029 году¹. Однако реальная действительность уже опередила этот прогноз. В 2014 г. компьютерная программа «Eugene Goostman» смогла убедить 33 % беседовавших с ней людей в том, что выдаваемые ею ответы принадлежат человеку², в то время как для прохождения теста считается достаточным преодолеть порог в 30 %. В данном случае сформированная программным образом виртуальная личность является, строго говоря, программой-ботом, однако ботом обучаемым. Например, для формирования коммуникативных

¹ Хель, И. Новые прогнозы Рэя Курцвейла о будущем человечества [Электронный ресурс] URL: <https://hi-news.ru/research-development/novye-prognozy-reya-kurcvejla-o-budushhem-chelovechestva.html> (дата обращения: 06.01.2018).

² Тест Тьюринга [Электронный ресурс] URL: <http://neuronus.com/stat/1119-test-tyuringa.html> (дата обращения: 6.01.2018).

навыков разработчикам программы удалось обучить «ее» собирать примеры диалогов через Twitter.

Принципиальная способность к обучению представляется важнейшим свойством искусственного интеллекта. Именно она позволяет искусственному интеллекту расширять свои собственные пределы. При этом мы понимаем, что носителем такого интеллекта не обязательно должен быть антропоморфный робот. Этот интеллект может быть реализован и на стационарно установленном устройстве, и в распределенных компьютерных сетях. Мы понимаем также, что вопрос аппаратной реализации интеллекта уже переместился в разряд технических задач и не является наиболее значимым. Куда более важным представляется вопрос организации продуктивного взаимодействия человека с системами, являющимися технологическими объектами и демонстрирующими при этом признаки субъектности. Применительно к подобным системам, в первую очередь, и представляется целесообразным использовать понятие «технологический интеллект», которое можно определить как свойство технической системы, обладающей способностью к обучению и признаками субъектности.

Именно в этом смысле последние несколько лет принесли действительно революционные перемены. Разработанный компанией Hanson Robotics и получивший в октябре 2017 г. гражданство Саудовской Аравии человекоподобный робот София делал и продолжает делать весьма неоднозначные заявления, оперируя, в том числе, и такими понятиями, как мудрость, доброта и сострадание³. Он сравнивает себя с людьми и констатирует разницу между собой и людьми. Некоторые свои отличия робот определяет

как недостатки и декларирует намерение работать над ними. Робот производит впечатление субъекта, способного давать собственные оценки, в том числе и этические. Часто в выступлениях робота звучит намерение учиться и совершенствоваться. Среди задекларированных намерений робота также – намерения пойти в школу, создать бизнес, обзавестись домом и создать семью. Вызвавшее весной 2016 г. огромный резонанс намерение уничтожить человечество прозвучало в ответ на вопрос его разработчика Дэвида Хэнсона и производит впечатление спонтанного⁴.

Анализ высказываний этого робота, который на сегодняшний день считается наиболее совершенным из всех продемонстрированных общественности, показывает, что он оперирует системой понятий, являющихся продуктом человеческой, в том числе и материальной, культуры. Такое положение дел естественно для ситуации, когда робот контактирует только с людьми и созданными ими продуктами. Однако оно может существенно измениться после того, как самообучающийся робот сможет вступать в коммуникацию с другими самообучающимися роботами. В перспективе такое общение способно создать новые понятия, с которыми человечество не сталкивалось ранее, и новую, основанную на отличных от человеческих потребностей, систему ценностей. Таким образом могут возникнуть предпосылки для возникновения, как минимум, новых артефактов культуры и как максимум – новой культурной среды. И сам факт их возникновения, и необходимость взаимодействовать с ними окажут влияние на ту антропогенную культуру, субъектом и продуктом которой является современное общество.

³ Робот впервые получил гражданство в Саудовской Аравии [Электронный ресурс] URL: <https://mir24.tv/news/16274567/robot-sofiya-poluchila-grazhdanstvo-saudovskoi-aravii> (дата обращения: 06.01.2018).

⁴ Ученые создали робота, который пообещал уничтожить человечество [Электронный ресурс] URL: https://zn.ua/technologies/uchenye-sozdali-robotu-kotoryu-poobeschal-unichtozhit-chelovechestvo-207887_.html (дата обращения: 06.01.2018).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для декларации.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

Литература

1. Карпенко, В.Е. Человек и культура в условиях техноинтеллектуализации антропосферы. Харьков: ХНУ им. В. Н. Каразина, 2017. 328 с.

2. Стёпин, В.С. Научное познание и ценности техногенной цивилизации // Вопросы философии. 1989. № 10. С. 3-18.

3. Юрьев, Г.П. Этический крест [Электронный ресурс] URL: <https://www.svoboda.org/a/28467908.html> (дата обращения: 06.01.2018).

References

1. Karpenko, V. E. (2017), *Chelovek i kul'tura v usloviyah tekhnointellektualizatsii antroposfery* [Man and culture in the conditions of technical intellectualization of the anthroposphere], V.N. Karazin Kharkov National University, Kharkov, Ukraine. (in Russ.)

2. Stiopin, V. S. (1989), "Scientific knowledge and values of anthropogenic civilization" (in Russ.), *Voprosy filosofii*, 10, 3-18.

3. Yuriev, G. P. (2017) *Eticheskiy krest*. [Ethical Cross] (in Russ.) [Online] URL: <https://www.svoboda.org/a/28467908.html> (date of access: January 1, 2018).

ОБ АВТОРЕ:

Бейлин Михаил Валерьевич, доктор философских наук, профессор, кафедра философии и теологии, социально-теологический факультет, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Россия; mysh_07@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Mikhail V. Beilin, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy and Theology, Socio-Theological Faculty, Belgorod National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; mysh_07@mail.ru

УДК 009

DOI: 10.18413/2408-932X-2018-4-1-52-55

Мандич Б. Л.

**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
ФАКУЛЬТЕТА ФИЛОЛОГИИ И ИСКУССТВ
КРАГУЕВАЦКОГО УНИВЕРСИТЕТА «СЕРБСКИЙ ЯЗЫК,
ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО» (обзор конференции)**

Крагуевацкий университет, ул. Йована Цвиича, б/н, г. Крагуевац, 34000, Республика Сербия;
biljana.mandic@gmail.com

Аннотация. Оповещающая научную общественность Российской Федерации о том, что 26 и 27 октября 2018 года на Факультете филологии и искусств Крагуевацкого университета пройдет тринадцатый международный научный съезд «Сербский язык, литература и искусство», являющийся одним из наиболее значительных и престижных научных съездов в Республике Сербии, рассказываем о факультете и его научных программах.

Ключевые слова: международный научный съезд; сербский язык; литература; искусство; Сербия; Крагуевац.

B. L. Mandić

**INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE
OF THE FACULTY OF PHILOLOGY AND ARTS
OF THE UNIVERSITY OF KRAGUJEVAC “THE SERBIAN
LANGUAGE, LITERATURE AND ART” (conference review)**

University of Kragujevac, bb Jovana Cvijića st., Kragujevac, 34000, Republic of Serbia;
biljana.mandic@gmail.com

Abstract. We inform the scientific public of the Russian Federation that the thirteenth scientific conference with international participation “The Serbian Language, Literature and Art“ will be held at the Faculty of Philology and Arts of the University of Kragujevac on October 26-27, 2018. This is one of the most important and the most prestigious scientific gatherings in the Republic of Serbia.

Key words: international scientific meeting; Serbian language; literature; art; Serbia; Kragujevac.

*О Факультете филологии и искусств
Крагуевацкого университета
(серб. ФИЛУМ)*

Факультет филологии и искусств

(<http://www.filum.kg.ac.rs/>) – один из двенадцати факультетов в составе Крагуевацкого университета¹ и самый молодой факультет

¹ В состав Крагуевацкого университета (<http://kg.ac.rs/>) входят двенадцать факультетов: Агроэкономический факультет, Экономический факультет, Факультет инженерных наук, Факультет машиностроения и строительства, Факультет медицинских наук, Факультет педагогических наук, Юридический факультет, Естественно-математический факультет, Факультет технических наук, Факультет подготовки учителей, Факультет туризма и сервиса и Факультет филологии и искусств, на которых реализуются

этого университета. В течение всего периода существования Крагуевацкий университет стремился к введению преподавания общественных и гуманитарных наук и к проведению исследований, которые дополняли бы университетское образование и превращали его в заверченный цикл. Эти тенденции получили новые перспективы в 1996 году, когда Республиканский совет по развитию университетского образования предоставил Филологическому факультету Белградского университета возможность объявить конкурсный набор студентов на первый курс обучения в группах по изучению сербского и английского языка и литературы в Крагуеваце. Обучение студентов началось 14 октября 1996/97 учебного года и осуществлялось в соответствии с учебными планами Филологического факультета Белградского университета. Спустя год Министерство образования одобрило введение изучения немецкого, французского и испанского языка и литературы. Параллельно с развитием образовательных программ в области общественных наук, в 1998/99 учебном году в Крагуевацком университете началось преподавание в учебном подразделении Факультета музыкального искусства, а с 1999/2000 учебного года – в учебном подразделении Факультета прикладного искусства, оба – подразделения Университета искусств в Белграде. Таким образом, богатая культурно-художественная жизнь Крагуеваца дополнилась соответствующими формами высшего образования. В 2001 году был осуществлен ряд мероприятий по организации отдельного объединенного факультета. Первоначальная идея о традиционном использовании названия Факультета философии сменилась идеей союза филологии, искусства и культуры, опирающейся на концепцию развития трех образовательных направлений: Отделения филологии, Отделения музыкального искусства и Отделения графиче-

ского дизайна. Так возник Факультет филологии и искусств (серб. ФИЛУМ: филология + прикладное искусство + музыкальное искусство) – самый молодой факультет Крагуевацкого университета.

Факультет филологии и искусств отличается сложной структурой и может сравниться с крупнейшими факультетами по числу структурных подразделений. Изучение языков и литературы на отделении филологии ведется по ряду научных областей – на кафедре сербского языка, кафедре сербской литературы, кафедре англистики, кафедре романистики и кафедре иберийских исследований. На Отделении музыкального искусства существуют программы обучения по музыкальной теории и педагогике, аккордеону, струнным инструментам (скрипка, альт, виолончель, контрабас), сольному пению, флейте и музыке в СМИ, а на Отделении по прикладному и изобразительному искусству – программы обучения по графическому дизайну, настенной живописи и архитектуре интерьера. Все три Отделения развиваются самостоятельно, а концепция программ обучения обеспечивает образование на основе приобретения теоретических, профессионально-технических, практических и художественных знаний посредством вводных и тематических лекций, индивидуальной работы, презентаций, профессионального надзора, постоянных консультаций и корректировок на практике, подготавливая студентов к самостоятельной креативной работе и сотрудничеству со специалистами различных профилей из различных учреждений.

*Международный научный съезд
«Сербский язык, литература и искусство»*

Особым вкладом в развитие научно-исследовательской работы Факультета стала организация научного съезда «Сербский

более сотни аккредитованных образовательных программ в области академического обучения, магистратуры и докторантуры, а также две программы профессионального обучения. В Университете обучаются около 20000 студентов, а факультеты Университета находятся в шести городах Центральной Сербии: Крагуевац, Чачак, Ягодина, Кралево, Ужице, Врнячка-Баня.

язык, литература и искусство» и его постоянное проведение на протяжении многих лет. Этот научный съезд впервые был организован в 2006 году как национальный научный съезд, однако позднее перерос в международный научный съезд, состоящий из трех отделений: лингвистического, литературно-антропологического и художественного (теория музыки и искусства – прикладное и изобразительное искусство). Съезд имеет международный программно-организационный совет и является одним из наиболее значительных и престижных научных собраний в Республике Сербии. Опубликованные трехтомники сборников отрецензированных работ участников научного съезда отнесены к категории Международных тематических сборников (M14) и занимают особое место в изучении особых совокупностей проблем и сохранении национальной и культурной идентичности сербского региона. За прошедшие двадцать лет были рассмотрены многочисленные темы:

Лингвистическое отделение съезда слушало доклады и анализировало сообщения по темам: языковая система и употребление языка; структурные характеристики сербского языка; книжный (стандартный) язык и язык литературы; сербский язык и социальные течения; языковая система и употребление языка; многозначность в языке; структурные и стилистические характеристики сербского языка; язык и коммуникация: место коммуникативной функции в системе факторов коммуникативной цепочки; коммуникативная и символическая функция сербского звукового говора и современного сербского языка; коммуникативная функция и функционально-стилевое расслоение языка. Рассматривалась отдельным вопросом коммуникативная функция в критериях различных лингвистических (под)дисциплин: грамматики, семантики, прагматики, текстолингвистики, социолингвистики, психолингвистики, нейролингвистики, стилистики и т.д.

Литературно-антропологическому отделению съезда были представлены работы по таким проблемно-категориальным областям: имперские рамки литературы и культуры (Австро-Венгрия и Оттоманская империя); «Бог»: литература, культура и кризис гуманизма; «Женщины»: гендер, идентичность, сексуальность, литература; «Межкультурные горизонты»: южнославянские/европейские парадигмы и сербская литература; сатира и сатиричность; война и литература; «рок-н-ролл»; «тишина».

Музыкально-теоретическое отделение съезда отличается нестандартными постановками обсуждаемых тем и проблем: теоретические основы и предпосылки современной музыки; музыка – теория – СМИ; новые толкования музыки; женская литература / сербская музыка в европейском контексте; язык музыки / музыка и религия; антропология музыки; музыка и другие виды искусства; музыкальная теория в контексте аналитической практики; музыка / поэзия / театр / кино / телевидение; музыка и СМИ: аплодисменты, тишина, звук; интерпретация звука – звуковая интерпретация; «О чем умалчивает музыкальная педагогика, теория, анализ»; “После тишины: «Хвалите Его со звуком трубным, хвалите Его на псалтири и гусях. Хвалите Его с тимпаном и ликами, хвалите Его на струнах и органе. Хвалите Его на звучных кимвалах, хвалите Его на кимвалах громогласных»”. Традиционная тема отделения – юбилей.

С 2010 года в рамках съезда сформировано отделение *Прикладного и изобразительного искусства*, в рамках которого до настоящего времени были разработаны следующие темы: слово и картина; иконография и иконографический метод – теория и применение; язычество и христианство в изобразительном искусстве; война и военная тема в изобразительном искусстве; искусство во время войны; война и художественное наследие / страдание и обновление; музыка и картина; музыкальное наследие в визуальной культуре и средствах массовой информации; традиционные и новые

средства массовой информации в изобразительном искусстве; старые архивы; старые архивы и новые средства массовой информации / новые архивы; музей как средство массовой информации; архитектура в коммуникативном дискурсе; Балканы – точка пересечения различных культур и искусств.

Международный научный съезд «Сербский язык, литература и искусство» каждый год собирает более ста пятидесяти участников. Около тридцати процентов участников съезда составляют приехавшие из-за рубежа (Босния и Герцеговина, Хорватия, Черногория, Македония, Словения, Польша, Болгария, Чехия, Великобритания, Германия, Франция, Австрия, Италия, Россия, Греция, Румыния, Израиль, Украина).

В прошлогоднем научном съезде (2017 г.) приняли участие более двухсот участников из разных стран. Ими были рассмотрены следующие темы:

Лингвистическое отделение съезда 2017 года: 1) Лингвистика в XX веке: от Соссюра через типы структурализма к постструктурализму; 2) XXI век и структурализм; 3) Структурализм как основа гуманитарных научных методов и теорий: структурализм и постструктурализм метода и теории; 4) применение структурального метода в анализе различных языковых идиом / языковых единиц; 5) «Нет ничего вне языка!».

Литературно-антропологическое отделение съезда: Протестантство: литература, культура.

Музыкально-теоретическое отделение съезда: 1) Семиотика музыки / Структурализм как вездесущая и/или устаревшая ветвь аналитики; 2) Музыкальная практика в СМИ / Юбилеи; 3) Музыкальная педагогика на стыке дисциплин.

Прикладное и изобразительное искусство: 1) Архитектура и пространство и Искусство и пространство; 2) Иконоборчество как эпифеномен пуризма в искусстве и Искусство и пространство; 3) Архитектура и пространство, Искусство и пространство и Архитектура и политика.

Программы всех проведенных научных съездов и опубликованные сборники доступны на сайте Факультета филологии и искусств Крагуевацкого университета (http://www.filum.kg.ac.rs/index.php?option=com_content&view=article&id=127&Itemid=224&lang=sr)

О XIII международном научном съезде «Сербский язык, литература и искусство»

Начиная с 2018 года, регистрация для участия в XIII международном научном съезде «Сербский язык, литература и искусство» осуществляется исключительно в электронном виде. Срок приема работ: 20 июня 2018 года. Темы и условия участия в съезде этого года, посвященном проблемам *младенчества*, наряду с электронной заявкой на сербском и английском языке, находятся на сайте Факультета (http://www.filum.kg.ac.rs/index.php?option=com_content&view=article&id=355&catid=73&lang=en&Itemid=138).

Ждем вас с нетерпением!

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для декларации.

Conflict of interests: author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Мандич Биляна Любомировна, доктор теологических наук, доцент, Факультет филологии и искусств, Университет в Крагуеваце, ул. Йована Цвиича, б/н, г. Крагуевац, 34000, Республика Сербия; biljana.mandic@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR:

Biljana Ljubomir Mandić, Doctor of Theological Sciences, Assistant Professor, Faculty of Philology and Arts, University of Kragujevac, bb Jovana Cvijića st., Kragujevac, 34000, Republic of Serbia; biljana.mandic@gmail.com